УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XVIII Выпуск 2

Ульяновск
1963

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XVIII Выпуск 2

Ульяновск
1963

Ответственный редактор выпуска — кандидат экономических наук **А. М. Табарданов.**

А. ТАБАРДАНОВ

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ ОСНОВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАКОНА СОЦИАЛИЗМА

Вопросу об основном экономическом законе социализма в последние годы было уделено много внимания в советской экономической литературе. Высказано ряд точек зрения, которые дополняют и углубляют понимание сущности основного закона движения социалистического способа производства. Усилия выступающих по этому вопросу авторов все больше направляются на исследование механизма действия закона, на его экономическое и количественное выражение.

Основной экономический закон, являясь законом движения общественно-экономической формации, выражает наиболее существенную связь: между производительными силами и производственными отношениями, между производством и потреблением определенной конкретно-исторической формы общества.

Эта связь проявляется через единство объективно-существующей цели производства, характер которой вытекает из господствующих отношений собственности, и средств достижения цели. Характер средств достижения цели производства определяется также отношениями собственности на основе данного уровня в развитии производительных сил.

Единство цели производства и средств ее достижения раскрывает прежде всего качественную сторону основной, существенной связи в развитии общественного производства. Однако не только качественную. Эта связь имеет также определенные количественные зависимости,

которые в политической экономии рассматриваются через систему экономических категорий.

К экономическим категориям, которые выражают количественную зависимость между производством и потреблением, между целью производства и средствами ее достижения, относятся категории необходимого и прибавочного продукта.

* * *

История развития классовых досоциалистических способов производства есть прежде всего история производства прибавочного продукта, который в результате эксплуатации трудящихся в различных все более совершенных формах присваивался господствующими классами. При этом необходимый продукт был лишь неизбежным условием для обеспечения производства и возрастания размеров прибавочного продукта в целях его отчуждения от производителей. Наивысшего развития такая цель производства достигла при капитализме в форме производства прибавочной стоимости. Процесс развития капитализма всесторонне исследован и проанализирован классиками марксизма-ленинизма и имеет довольно четкое и обоснованное изложение в нашей экономической литературе.

Замена капитализма социализмом привела к коренному изменению в содержании необходимого и прибавочного продукта, ибо коренным образом изменилась роль и назначение этих составных частей общего результата вновь затраченного труда. Эти изменения выражают коренную противоположность капитализма и социализма.

При капитализме производство прибавочного продукта в форме прибавочной стоимости является непосредственной целью производства. Необходимый продукт производится лишь как условие обеспечения этой цели.

При социализме непосредственная цель производства состоит в удовлетворении потребностей трудящихся, она обеспечивается непрерывным ростом и совершенствованием производства. Важнейшим условием непрерывного роста производства является прибавочный продукт как единственный источник накопления.

Условия социализма, господство общественной собственности на средства производства и продукты труда снимают вопрос об отчуждении прибавочного продукта

от производителей. Его нет и не может быть при социализме. Именно об этом говорил Маркс, указывая, что в результате ликвидации системы капиталистической эксплуатации «рабочая масса должна сама присвоить себе свой прибавочный труд»[1]. Именно это подчеркивал В. И. Ленин, говоря, что при социализме прибавочный продукт «идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им»[2].

Означает ли ликвидация вопроса об отчуждении прибавочного продукта устранение роли прибавочного продукта в процессе воспроизводства и исчезновение его как экономической категории? Нет, не означает. Ибо категория прибавочного продукта характеризует прежде всего уровень развития производительных сил. «...Превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал — показывает, — писал Маркс, — если мы отвлечемся от исторически определенной экономической формы и будем рассматривать это превращение просто как образование новых средств производства, — что все еще сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на приобретение непосредственных жизненных средств, затрачивает труд на производство средств производства... что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом... что этот труд или его продукт присваиваются тем, кто не работает»[3].

Следовательно, устранение вопроса об отчуждении не снимает вопроса об избыточном (или прибавочном) труде, т. е. об излишке труда и продукта сверх того, что требуется для обеспечения «непосредственных жизненных средств», т. е. предметов потребления. Устраняется лишь антагонистическая форма его, присущая капитализму — прибавочная стоимость, т. е. отношение, дающее возможность отчуждать, присваивать труд наемных рабочих без эквивалента. Исчезает возможность присвоения чужого труда и его результатов, которая появилась на основе развития частной собственности. Появление же самого прибавочного продукта явилось, как

[1] Из неопубликованных рукописей К. Маркса (1857—1858 гг.), «Большевик», № 11—12, 1939, стр. 63.

[2] Ленинский сборник, XI, стр. 382.

[3] К. Маркс. Капитал, т. III, 1955, стр. 863—864.

известно, не результатом развития частной собственности, а итогом развития производительных сил общества, роста производительности труда.

Из вышесказанного следует, что марксово положение о том, что «прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать»[1] действительно для социализма. Оно не только дает основание для деления результатов производительного труда на необходимый и прибавочный продукт, но и помогает объяснить коренные изменения в содержании этих категорий, определить состав необходимого и прибавочного продукта при социализме и выявить связь этих категорий с основным экономическим законом социализма.

Тем не менее, в экономической литературе освещение этого вопроса не имеет четкого и обоснованного характера, нередко освещается по аналогии с категориями политической экономии капитализма, и, несмотря на оговорки и дополнения об ином содержании этих категорий при социализме, часто выглядят неубедительно и путанно. Это относится, прежде всего, к учебнику «Политическая экономия». Так, например, в главе XXIX дается следующее определение заработной платы: «...заработная плата работников социалистического производства есть выраженная в денежной форме доля этих работников в той части общественного продукта, которая поступает в индивидуальное потребление и выплачивается государством рабочим и служащим в соответствии с количеством и качеством труда каждого из них»[2]. В распределении по труду, указывается в учебнике, поступает та часть общественного продукта, которая «...представляет собой необходимый продукт, созданный необходимым трудом»[3].

Из этих определений можно сделать вывод о том, что в состав необходимого продукта входит заработная плата рабочих и служащих социалистического производства, т. е. всех рабочих и служащих в системе народного хозяйства. Однако далее на страницах 574, 639 и 640 мы узнаем, что определение заработной платы на стр. 573

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, 1955, стр. 832.
[2] Политическая экономия. Учебник, ГПИ, 1962, стр. 573.
[3] Там же.

относится лишь к заработной плате работников сферы материального производства и что в распределение по труду входит не только «необходимый продукт, созданный необходимым трудом», как указывалось на стр. 573, а еще и часть фонда общественного потребления, образующегося за счет прибавочного продукта.

Спрашивается, что же авторы включают в состав необходимого и в состав прибавочного продукта? Очевидно, что авторы учебника относят к составу необходимого продукта только ту часть результатов труда работников сферы материального производства, которая выражается через получаемую этими работниками заработную плату. Вся остальная часть результатов вновь затраченного труда, по их мнению, представляет собой прибавочный продукт. Надо сказать, что в экономической литературе эту точку зрения разделяют большинство авторов, в том числе и большинство авторов учебников по политической экономии.

Определяя существо необходимого продукта как сумму жизненных средств, потребную для воспроизводства рабочей силы, которая выступает при капитализме в форме заработной платы, Маркс исходил из анализа существа капиталистических отношений. В этом анализе главным, как известно, является то, что в условиях капитализма в силу господства частной собственности, с одной стороны, выступает собственник средств производства и продуктов труда, с другой стороны, — собственник рабочей силы.

При капитализме производство осуществляется в погоне за увеличением размеров прибавочного продукта, который производится в форме прибавочной стоимости. Воспроизводство средств производства в этих условиях является задачей собственника их — капиталиста, воспроизводство рабочей силы — задача ее владельца-рабочего. При этом капиталист, в соответствии с определенными условиями и обстановкой, необходимо терпит обязанность оплачивать за товар — рабочую силу, ибо без затрат этого минимума невозможно осуществление его целей. Рабочий необходимо подвергается эксплуатации, обеспечивает осуществление целей капиталиста, т. е. производит и производит прибавочный продукт, который безвозмездно присваивается капиталистом, ибо для рабочего это — условие его собственного существования, да-

ющее возможность обеспечить воспроизводство способности к труду. При этом заработная плата является единственным источником обеспечения воспроизводства рабочей силы (удовлетворения физических и духовных потребностей рабочего и его семьи, в том числе потребностей в лечении, образовании и т. д.).

Именно размерами заработной платы ограничиваются размеры того продукта, который идет в условиях капитализма в потребление рабочего и его семьи. Вся остальная часть создаваемого производителями продукта противостоит им как чужая собственность, которая используется для расширения сферы эксплуатации, укрепления экономического и политического господства буржуазии и для ее паразитического потребления. Поэтому размеры заработной платы рабочих сферы материального производства при капитализме выражают величину необходимого труда (следовательно, и необходимого продукта), необходимого именно для того, чтобы компенсировать затраты капиталистов на оплату товара рабочая сила при определенных конъюнктурных условиях капиталистического рынка труда.

В условиях социализма средства производства и продукты труда являются общественной собственностью. Рабочая сила как совокупная способность к труду всех членов общества также является всенародным достоянием и главным общественным богатством, она не является товаром, не покупается и не продается. Индивидуальный труд каждого участника социалистического производства «непосредственно существует как составная часть совокупного труда»[1].

В этих условиях воспроизводство рабочей силы является не частным делом производителя, а важнейшей задачей всего общества. Общество в лице государства организует и обеспечивает обучение, здравоохранение, в определенной все возрастающей степени берет на себя расходы по воспитанию детей, по содержанию нетрудоспособных и др.

Таким образом, если даже подходить к определению состава необходимого продукта при социализме только

---

[1] К. Маркс. Критика Готской программы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, том 19, стр. 17.

с точки зрения суммы необходимых средств для воспроизводства рабочей силы, то перечисленные выше расходы общества никак нельзя отнести к прибавочному продукту. Именно это положение подтверждается характеристикой значения общественных фондов потребления, которую дает учебник! Там сказано: «...распределение предметов потребления за счет общественных фондов способствует дальнейшему выравниванию жизненно важных условий воспроизводства рабочей силы и всестороннему развитию всех членов общества»[1]. В самом деле, как можно размер необходимого продукта ограничивать только оплатой по труду работников сферы материального производства, а расходы на обучение детей, содержание детских яслей, больниц, санаториев, домов отдыха и т. д., которые осуществляет общество, не включать в состав необходимого продукта? Об этом говорится и в учебнике «Политическая экономия». Там сказано: «Индивидуальная заработная плата рабочих и служащих и индивидуальные доходы колхозников дополняются доходами, получаемыми из общественных фондов»[2]. А что значит «дополняются»? Это и значит, что эти фонды **должны включаться в состав необходимого** продукта.

Больше того, нам кажется, что к составу необходимого продукта надо подходить еще шире, ибо коренные изменения социально-экономической природы необходимого продукта при социализме состоят не только в том, что он производится работниками, свободными от эксплуатации, и планомерно распределяется, а и в том, что состав его существенно расширяется.

Из известного положения Маркса о том, что «прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей всегда должен существовать»[3], можно сделать вывод о том, что необходимый труд (соответственно-необходимый продукт) это та часть совокупного труда, которая выражает меру данных потребностей общества, иначе говоря, обеспечивает потребление общества. А разве заработная плата работников сферы материального производства выражает эту меру полностью? Безусловно, нет. При социализме она выражает только часть

---

[1] Политическая экономия. Учебник ГПИ, 1962, стр. 584.
[2] Там же, стр. 585.
[3] К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1955, стр. 832.

этой меры. Другую часть выражают общественные фонды потребления.

Вопрос о составе необходимого и прибавочного продукта это вопрос о количественных выражениях сущности основного экономического закона социализма. Основной экономический закон социализма выражает основную связь в социалистическом производстве и в **производительном труде** через известное сочетание и взаимоотношение цели социалистического производства и средства достижения этой цели.

Цель производства при социализме состоит в удовлетворении потребностей всех членов общества. Поэтому необходимы, во-первых, затраты определенного количества труда в сфере материального производства для создания оптимально-возможного количества предметов потребления для удовлетворения потребностей всего общества в целом при данном уровне развития производительных сил. Следовательно, если рассматривать труд с точки зрения его необходимости для производства продукта на общество в данный момент, то к необходимому труду надо отнести все затраты труда, идущие на создание фонда потребления, который и будет отражать состав необходимого продукта.

Средством достижения цели социалистического производства является непрерывный рост производства, что требует, во-вторых, затрат определенной доли труда на обеспечение процесса расширения воспроизводства и создание резервов. Эта доля вновь затрачиваемого производительного труда будет отражать состав прибавочного продукта.

Итак, необходимый продукт при социализме есть мера, выражающая данные потребности социалистического общества и определяющая фонд потребления национального дохода. **В состав необходимого продукта следует включить всю часть национального дохода, которая направляется в фонд потребления,** ибо расходы социалистического общества на социально-культурные мероприятия, на государственное управление, в том числе оплата труда занятых в этой сфере трудящихся, являются такими же необходимыми для осуществления потребления трудящихся, как и оплата по труду в форме заработной платы работников сферы материального производства.

Обобщающую характеристику деления вновь создаваемого продукта на необходимый и прибавочный Маркс дает в следующем высказывании: «Если свести заработную плату к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (т. е. общественной производительной силой его собственного труда как действительно общественного), которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при данных производственных условиях общества необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1, необходимый труд, а в № 2, прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, т. е. если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства»[1]. Из сказанного Марксом, на наш взгляд, можно сделать вывод, во-первых, о том, что при социализме капиталистические формы необходимого продукта (стоимость товара рабочая сила) и прибавочного продукта (прибавочная стоимость) исчезают, но остаются «основы, общие всем общественным способам производства», т. е. остается деление вновь затраченного в обществе производительного труда и созданного им продукта на необходимый («№1») и прибавочный («№ 2», — говорит Маркс). Во-вторых, в необходимый продукт при социализме Маркс включает все, что идет для удовлетворения процесса потребления членов общества (в том числе «еще и уже неработоспособных» членов), а в прибавочный продукт страховой и резервный фонд и фонд расширения

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, 1955, стр. 889—890.

воспроизводства (опять с учетом потребностей, не только работающих, а «еще и уже нетрудоспособных» членов).

Маркс, как известно, не мог предвидеть необходимость расходов социалистических государств на оборону страны. По своему существу эти расходы есть вычет из национального дохода, который касается как необходимого продукта, так и прибавочного. Необходимо как удовлетворение потребностей членов общества, занятых деятельностью по обеспечению обороны, так и материальные расходы на оборону в данный момент. Кроме этого, должны быть обеспечены резервы и расширение производства в связи с потребностями обороны. Поэтому определенное количество труда, как необходимого, так и прибавочного, члены общества должны затрачивать на обеспечение обороны страны.

Выше мы не случайно приводим такую большую цитату из «Капитала», ибо только взятая целиком она выражает суть характеристики деления вновь созданного продукта на необходимый и прибавочный. Взятая же частично, например, так, как это делается в учебнике «Политическая экономия» на стр. 573 (издание 1962 года), она может неправильно отразить высказанные Марксом очень важные, на наш взгляд, положения по этому поводу.

В учебнике сказано: «Освобождение заработной платы от капиталистических ограничений позволяет «расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества... которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности». На самом деле, Маркс, говоря о сведении заработной платы к ее общей основе и освобождении ее от капиталистических ограничений, имеет в виду, как это видно из приведенного полного высказывания, всю часть вновь создаваемого продукта, которая обеспечивает потребление членов общества. В учебнике же это относится только к той части фонда потребления, которая распределяется по труду между работниками сферы материального производства. Это неточно выражает мысли Маркса. Это неправильно с точки зрения направления в развитии отношений распределения при социализме, ибо дает право толковать развитие заработной платы, как единственный путь повышения материального и культурного уровня трудя-

щихся. «Разумеется, партия и правительство, — говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС, — будут последовательно проводить намеченный курс в отношении увеличения заработной платы и снижения цен. Но это только один из путей... У нас имеется действительно коммунистический путь повышения благосостояния трудящихся, создания лучших условий жизни для всего общества в целом, в том числе и для каждого человека. Сюда относятся: обеспечение людей благоустроенным жильем, организация общественного питания, улучшение бытового обслуживания людей, расширение сети детских учреждений, совершенствование народного образования, организация отдыха и улучшение медицинского обслуживания населения и т. д.»[1]. Ассигнования на эти цели Н. С. Хрущев называет «общественными фондами личного потребления»[2]. Как же можно громадную сумму, которая уже сейчас составляет почти одну пятую часть национального дохода и входит в состав потребления трудящихся, исключить из необходимого продукта?

Далее, если рассматривать вопрос о составе необходимого продукта в перспективе, в условиях коммунистического общества, когда, очевидно, личное потребление всех членов общества будет осуществляться не из индивидуальных фондов, а из общественных фондов, когда не будет распределения по труду. Что тогда будет входить в состав необходимого продукта? Очевидно, положение о том, что в необходимый продукт входит только оплата по **труду работников сферы материального** производства может привести к абсурдному выводу о том, что в перспективе необходимый продукт вообще исчезнет, а останется только прибавочный продукт!?

Делая предположение о существе отношений распределения в будущем социалистическом обществе (союзе «свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу»[3], Маркс писал, что «—весь продукт труда союза

---

[1] Н. С. Хрущев «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», Госполитиздат, 1959, стр. 52—53.

[2] См. Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения. Журнал «Коммунист», № 1 за 1961 год.

[3] К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 84—85.

свободных людей представляет из себя общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей»[1]. Это предвидение Маркса довольно точно отражает и то положение, что фонд потребления при социализме выражает сумму «жизненных средств» социалистического общества, т. е. состав необходимого продукта, и то, что способ распределения этих «жизненных средств» изменяется в соответствии с развитием социалистического производства и самих членов социалистического общества.

Необходимый продукт, создаваемый в социалистическом обществе и составляющий фонд потребления, распределяется в потребление по различным каналам и не на одинаковых принципах.

Во-первых, основная часть необходимого продукта распределяется по труду на общество (заработная плата рабочих и служащих предприятий и учреждений, оплата труда в колхозах).

Во-вторых, часть необходимого продукта распределяется бесплатно в соответствии с потребностями трудящихся и возможностями государства (строительство культурно-бытовых сооружений, жилья, содержание школ, больниц, детских домов и др.).

В-третьих, с учетом размеров получаемой заработной платы (детские сады, ясли, путевки в дома отдыха и санатории и т. д.).

В-четвертых, с учетом прошлого труда членов общества (пенсии).

Перечисленные каналы распределения необходимого продукта в потребление имеют различный удельный вес в зависимости от конкретных условий в развитии общества. Если исключить периоды военного времени, то тенденция состоит в сокращении удельного веса расходов на оборону и управление и в более быстром возрастании удельного веса общественных фондов потребления по

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 85.

сравнению с фондом оплаты по труду. За период с 1950 по 1961 гг. расходы на оборону страны в государственном бюджете сократились с 20,3 проц. до 11,9 проц., на государственное управление соответственно с 3,3 проц. до 1,4 проц. За период с 1940 по 1958 г. сумма всех выплат и льгот, полученных членами социалистического общества, выросла в 5 раз, в то время как фонд заработной платы рабочих и служащих увеличился в 4 раза. За семилетие фонд зарплаты должен увеличиться в 1,5 раза, а общественные фонды личного потребления в 1,7 раза.

О чем это говорит? О том, что в условиях социализма на основе неуклонного развития производительных сил непрерывно накапливаются все большие возможности для расширения личного потребления трудящихся, необходимого для полного развития индивидуальности, о котором говорил Маркс. Расширение личного потребления происходит в различных формах, в том числе в форме абсолютного роста размеров оплаты по труду при сокращении ее удельного веса в составе всего фонда личного потребления. Все это говорит о количественном выражении действия основного экономического закона социализма, об осуществлении цели социализма через возрастание абсолютного размера необходимого продукта, а также о непрерывном совершенствовании форм, выражающих состав необходимого продукта при социализме.

В связи с категорией необходимого продукта следует остановиться на понятии, которое получило «право» в литературе после выхода в свет книжки Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», — «продукт для себя».

Как известно, в этой книжке Сталин поставил под сомнение целесообразность деления вновь создаваемого при социализме продукта на необходимый и прибавочный. После этого в литературе и появился термин «продукт для себя», который, не внося ничего нового в существо вопроса, подменил понятие «необходимого продукта» и привел к определенной путанице в экономической науке и в практике пропаганды экономической теории.

Как правило, при обосновании этой категории ссылаются на высказывание В. И. Ленина в его известной статье «Как организовать соревнование?» Однако

В. И. Ленин, говоря о том, что «впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя...»[1], безусловно, в этом нет никаких сомнений, имел в виду работу на общество.

Поэтому представляется целесообразным исключить из политической экономии социализма термин «продукт для себя», который до сих пор широко применяется в нашей литературе, да еще в противопоставлении, как это обычно делается, с «продуктом для общества» (под которым понимается прибавочный продукт), ибо этот термин находится в явном противоречии с ясным и определенным положением Ф. Энгельса о том, что «...все общество, состоящее из одних только рабочих (трудящихся. — **А. Т.**), является собственником совокупного продукта их труда, продукта, который оно частью распределяет для потребления среди своих сочленов, частью распределяет на возмещение и увеличение своих средств производства, а частью накопляет в качестве резервного фонда производства и потребления»[2].

Безусловно, что до тех пор, пока существует необходимость оплаты по труду и расходы предприятий на оплату труда играют важную роль в осуществлении принципов хозяйственного расчета, будет существовать и потребность выражать эту сторону производственных отношений через определенную экономическую категорию. Однако исключение термина «продукт для себя» не умалит значение труда работников сферы материального производства, если деление всего вновь создаваемого продукта на необходимый и прибавочный дополнить положением о том, что при социализме важнейшей составной частью необходимого продукта является его доля, направляемая для оплаты труда работников сферы материального производства, т. е. та часть «...предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива»[3]. Существо этой доли полностью выражается в категории заработной

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 368.

[2] Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. 1872 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 523.

[3] К. Маркс. Критика Готской программы, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, том 19, стр. 17.

платы, как части необходимого продукта, направляемой в индивидуальное распределение в соответствии с количеством и качеством труда каждого работника.

Итак, основной экономический закон социалистического общества проявляет свое количественное выражение в категориях необходимого и прибавочного продукта. Затраты необходимого труда выражают цель социалистического производства, создают необходимый продукт, размеры которого определяют фонд потребления общества и уровень удовлетворения растущих потребностей его членов. Затраты прибавочного труда создают прибавочный продукт, размеры которого выражают условия для осуществления цели, определяют темпы расширения социалистического производства.

Л. Н. КАЗАНЦЕВА

ЗАКУПОЧНЫЕ ЦЕНЫ И СТИМУЛИРОВАНИЕ КОЛХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Программа КПСС провозгласила великую и благородную цель — обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма. Наивысший уровень благосостояния народа может быть обеспечен только при условии мощного развития производительных сил. Поэтому создание материально-технической базы коммунизма является главной экономической задачей партии и всего советского народа. Построение коммунистического общества немыслимо без создания всесторонне развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства, которое призвано сыграть большую роль в создании изобилия продуктов потребления. Решение этой задачи потребует увеличить объем производства продуктов сельского хозяйства за десять лет примерно в два раза и за двадцать лет в три с половиной раза.

За последние годы осуществлены крупные меры по дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства, которые обеспечат реальность выполнения намеченных заданий. В соответствии с решениями мартовского Пленума ЦК КПСС (1962 г.) была разработана широкая система мер по усилению материально-технической помощи сельскому хозяйству. Увеличены капиталовложения в сельское хозяйство. Осуществляется переход на интенсивную пропашную систему земледелия. Проведена коренная реорганизация управления сельским хозяйством. Созданы принципиально новые органы руководства колхозами и совхозами — территориальные

производственные управления, ведающие вопросами организации производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, способные гибко и оперативно руководить хозяйством с учетом местных конкретных условий и отвечающие за состояние дел в каждом колхозе и совхозе. Перед территориальными производственными управлениями ЦК КПСС поставил главную задачу — глубокое изучение производства в каждом колхозе и совхозе, внедрение достижений науки и передовых методов труда, эффективное использование каждого гектара земли.

Построение партийных органов по производственному принципу, проведенное в соответствии с решениями ноябрьского Пленума ЦК КПСС (1962 г.), еще более повышает роль партии в руководстве промышленностью и сельским хозяйством.

Большую роль в реализации программы развития сельского хозяйства, намеченной XXII съездом КПСС, мартовским и ноябрьским (1962 г.) Пленумами ЦК КПСС, имеет совершенствование экономических отношений между государством и колхозами. Экономические отношения между государством и колхозами в период развернутого строительства коммунизма основываются, как указывается в Программе КПСС, на «... сочетании общенародных интересов с материальной заинтересованностью колхозов и колхозников в результатах их труда»[1].

Материальная заинтересованность колхозов в развитии общественного хозяйства обеспечивается прежде всего посредством системы заготовок и цен. Начиная с 1953 года, проделана большая работа по совершенствованию системы заготовок и цен. В несколько этапов были повышены заготовительные и закупочные цены, улучшено соотношение в ценах на различные сельскохозяйственные продукты. Улучшена система заготовок в целом, повышена роль закупок. Все это имело важное значение для устранения недостатков, имевшихся в материальном стимулировании колхозов, и в обеспечении крутого подъема сельского хозяйства. Однако эти меры далеко не устранили различий в условиях реализации одних и тех

[1] Программа КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 81.

же продуктов в колхозах с разным уровнем экономики и различным производственным направлением хозяйства.

С реорганизацией МТС и переходом к единой форме заготовок в порядке закупок в 1958 году были введены более экономически обоснованные единые закупочные цены, в которых нашли более полное отражение требования объективных экономических законов социализма и, прежде всего, закона стоимости. Важным достижением практики ценообразования являлось то, что вместо множественности цен, при которой терялась мера стоимости, были введены единые закупочные цены, построенные в соответствии с важнейшим требованием ценообразования — возмещения производственных затрат и обеспечения расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве. С введением единых закупочных цен было улучшено соотношение цен на различные сельскохозяйственные продукты с учетом затрат труда и издержек производства их. Единые закупочные цены были дифференцированы по зонам страны.

Более обоснованный уровень закупочных цен, улучшение соотношения в ценах и зональная дифференциация цен, сложившиеся в разультате проведенных мероприятий в 1958 году, обеспечили лучшее использование государственных средств, расходуемых на заготовки сельскохозяйственных продуктов, более равномерное распределение их между колхозами различного экономического уровня, производственного направления и в различных природных условиях хозяйствования. В результате чего действие принципа материальной заинтересованности в колхозном производстве стало более всесторонним и универсальным.

Новые закупочные цены в основном соответствуют задаче обеспечения дальнейшего мощного развития сельского хозяйства. Но это не означает, что они не нуждаются в совершенствовании.

Необходимость дальнейшего совершенствования закупочных цен связана, прежде всего, с устранением тех недостатков, которые имеются в системе цен, введенных в 1958 г. Необходимость совершенствования цен — изменение их уровня, изменение соотношения цен на различные сельскохозяйственные продукты будет периодически возникать вследствие неравномерности технического прогресса в отраслях сельского хозяйства и изме-

нения соотношения затрат на различные продукты, а также изменения потребности в отдельных видах продукции.

Основным направлением совершенствования цен является улучшение соотношения в ценах на различные сельскохозяйственные продукты, совершенствование цен, стимулирующих повышение качества продукции и улучшение зональной и внутризональной дифференциации цен. Совершенствование цен еще более повысит их роль в стимулировании производства.

* * *

Важным фактором материального стимулирования колхозов различного производственного направления является экономически обоснованное соотношение цен на различные сельскохозяйственные продукты. Осуществляя повышение общего уровня закупочных цен в период с 1953 по 1957 гг., государство проводило его неравномерно с тем, чтобы улучшить соотношение в ценах на различные сельскохозяйственные продукты. Это нашло еще большее отражение при введении единых закупочных цен в 1958 году. Так, при общем повышении уровня закупочных цен в 1958 г. по сравнению с 1952 г. почти в 3 раза, закупочные цены на продукцию земледелия были повышены в среднем в 2 раза, а на продукцию животноводства почти в 5,5 раза, в том числе на крупный рогатый скот и свиней — более чем в 11 раз, на овец — почти в 14 раз. Это подтверждается следующими сравнительными данными.

Индекс средних заготовительно-закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, заготовляемую государством в колхозах, у колхозников, рабочих и служащих (1952=1)[1]

Наименование продукции	1955	1957	1958
Вся продукция сельского хозяйства	2,09	2,66	2,96
Продукты земледелия.	1,69	2,09	2,03
Зерновые культуры	5,53	6,17	6,95
Хлопок-сырец	0,96	1,15	1,06
Сахарная свекла	1,30	2,43	2,19

[1] «Сельское хозяйство СССР». Статсборник. Госстатиздат, 1960 г.

Наименование продукции	1955	1957	1958
Подсолнечник	9,87	9,47	7,74
Продукты животноводства	3,19	4,20	5,46
Крупный рогатый скот	4,64	6,04	11,47
Овцы и козы	6,75	8,39	13,82
Свиньи	8,06	11,51	11,56
Молоко	3,03	3,62	4,04

Но как показала практика, проблема соотношения цен на различные сельскохозяйственные продукты является еще нерешенной. Одним из существенных недостатков этого являлось установление закупочных цен в 1958 г. на продукты животноводства на уровне, не обеспечивающем возмещения издержек производства. Поэтому, несмотря на значительное повышение закупочных цен на продукты животноводства в 1958 г., продолжало существовать несоответствие уровня себестоимости продуктов животноводства и уровня реализационных цен. Это, в свою очередь, явилось одной из причин неудовлетворительного соотношения цен на продукцию животноводства с ценами на другие сельскохозяйственные продукты.

Это видно из сопоставления уровня себестоимости и реализационных цен (1 цент.) молока, привеса крупного рогатого скота и свинины с уровнем себестоимости и реализационных цен зерна.

Соотношение себестоимости и цен на продукцию животноводства с себестоимостью и ценой зерна по колхозам Ульяновской области[1]

Наименование продуктов	Себестоимость				Реализационная цена			
	1958	1959	1960	1961	1958	1959	1960	1961
Зерно	100	100	100	100	100	100	100	100
Молоко	335	351	439	370	160	163	153	137
Мясо крупного рогатого скота	1852	2318	2827	2476	796	921	943	824
Свинина	2641	2981	3795	3558	1097	1168	1172	1073

[1] Таблица рассчитана по годовым отчетам колхозов Ульяновской области за 1958—1961 гг., за 100 проц. принята себестоимость и цена зерна.

Как видно из таблицы, различия в уровнях себестоимости основных продуктов животноводства и зерна до 1960 г. возрастали, в 1961 г. они несколько уменьшились за счет повышения себестоимости зерна. Усиление различий в уровнях себестоимости зерна и продуктов животноводства связано с неравномерностью роста производительности труда в зерновом производстве и животноводстве.

За период с 1958 г. по 1960 г. производительность труда в производстве зерна возросла на 54 проц., а в животноводстве лишь на 14 проц. В 1961 г. отношение себестоимости молока к себестоимости зерна составило, как 3.7:1, а реализационной цены 1.4:1, себестоимости мяса крупного рогатого скота 24.7:1, а цены 8.2:1, себестоимости свинины 35.6:1, а цены 10.4:1. Такое соотношение цен являлось неудовлетворительным. Оно отражало относительно низкие закупочные цены на продукцию животноводства, существовавшие до 1 июня 1962 года.

Соотношения в уровнях цен должны отражать соотношения в уровнях себестоимости, хотя точного соответствия может и не быть. Но и значительные отклонения экономически не оправданы, ибо этим порождаются резкие различия в нормах рентабельности различных сельскохозяйственных продуктов: чрезмерная рентабельность одних и низкая рентабельность или убыточность других. Вместе с тем, не может быть одинаковой нормы рентабельности на различные сельскохозяйственные продукты, так как существует необходимость особого материального стимулирования производства некоторых сельскохозяйственных продуктов. Существовавшие до 1962 года закупочные цены на продукты животноводства не обеспечивали колхозам возмещение затрат на их производство. По колхозам Ульяновской области закупочные цены составляли 77,7 проц. к уровню себестоимости привеса крупного рогатого скота за 1960—1961 гг. и 65,8 проц. к себестоимости свинины. Животноводство являлось убыточной отраслью. Убытки от животноводства покрывались за счет прибылей, получаемых от растениеводства. В 1961 году в колхозах области полученные прибыли от реализации основных культур по растениеводству в два раза превышали убытки, полученные от животноводства. Но таков баланс в среднем. Соотношение прибылей и убытков, а следовательно,

положительный или отрицательный баланс, зависит от того, какой удельный вес животноводство занимает в валовой продукции колхоза. Чем больший удельный вес животноводства в валовой продукции колхоза, тем больше и убытки, тем меньше совокупная норма рентабельности по хозяйству в целом, тем меньше возможностей развития производства. Естественно, колхозы стремились уменьшить убытки путем ограничения развития животноводства. Существовавшие закупочные цены не стимулировали развития животноводства.

Некоторые экономисты считали убыточность животноводства и практику покрытия убытков от животноводства за счет высокорентабельных отраслей растениеводства вполне правомерным явлением. Но практика покрытия убытков одних отраслей за счет рентабельности других имеет много отрицательных сторон. Не обеспечиваются равные материальные стимулы в увеличении производства различных сельскохозяйственных продуктов, равные экономические условия для развития колхозов различного производственного направления, затрудняется осуществление правильной специализации различных районов, областей и сельскохозяйственных зон страны, а также правильное сочетание отраслей внутри каждого хозяйства.

Убыточность животноводства ставила в особенно неблагоприятные условия экономического развития колхозы, специализирующиеся на производстве продуктов животноводства. Это видно на примере развития колхозов бывшего Барышского района Ульяновской области, специализирующихся на мясо-молочном животноводстве. Неблагоприятное положение еще больше усугублялось тем, что колхозы этого района ведут свое хозяйство на малоплодородных серых лесных подзолистых почвах, в результате чего рентабельность растениеводства в этих колхозах значительно ниже среднеобластной.

Средняя урожайность зерновых в колхозах Барышского района за четыре года (1958—1961 гг.) на 30 проц. ниже среднеобластной, а себестоимость на 40 проц. выше. В результате чего норма рентабельности по растениеводству была на 60 проц. ниже среднеобластной. Более низкая норма рентабельности по растениеводству не обеспечивала возмещения убытков от животноводства. Поэтому убытки, полученные от животноводства за пос-

ледние годы, более чем в два раза превышали прибыли, полученные от растениеводства. Колхозы Барышского района располагали меньшими возможностями для осуществления расширенного воспроизводства. Отчисления в неделимые фонды на 100 га сельскохозяйственных угодий в колхозах Барышского района составляли за последние два года 40,7 проц. от среднеобластных показателей, а оплата труда колхозников 80 проц. от среднеобластного уровня. Меньшими возможностями располагали колхозы Барышского района и по повышению уровня интенсификации хозяйства. Стоимость неделимых фондов на 100 га сельскохозяйственных угодий составляла 70 проц., а основных фондов — 90 проц., по отношению к среднеобластным показателям. Не случайно, что значительным источником средств в расширенном воспроизводстве колхозов данного района являются государственные кредиты.

Таким образом, пестрота в нормах рентабельности, наличие убыточных отраслей не соответствуют задаче выравнивания уровней развития колхозов различного производственного направления и подтягивания экономически более слабых колхозов до уровня передовых, что является одной из задач, поставленных в Программе КПСС в области крутого подъема сельского хозяйства. Повышение закупочных цен, проведенное с 1 июня 1962 г. по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР, является необходимой мерой. Оно отвечает требованиям объективных экономических законов и, прежде всего, закона стоимости. Недостаточный учет требований закона стоимости в практике ценообразования на продукцию животноводства в прошлом отрицательно сказался на развитии этой отрасли.

Несмотря на значительные успехи в развитии животноводства в последние годы, рост продукции животноводства происходил в размерах, не обеспечивающих удовлетворения возрастающего спроса населения. Как указывается в обращении ЦК КПСС ко всему советскому народу, одной из важных причин, тормозивших развитие животноводства, являлось нарушение принципа материальной заинтересованности колхозов в увеличении производства продуктов животноводства вследствие низких закупочных цен. На эту же причину указывал Н. С. Хрущев в речи на совещании работников производ-

ственных управлений районов Центра Российской Федерации в июне 1962 г. «Прежние цены, — говорил Н. С. Хрущев, — подрывали принцип материальной заинтересованности людей в увеличении производства мяса. Больше того, они даже не возмещали затрат на производство этого вида продуктов... Если бы оставить те цены, по которым закупалась в колхозах и совхозах животноводческая продукция, то это серьезно затормозило бы и в будущем производство мяса и других продуктов животноводства.

Сохранить старые заготовительные цены — значит не создать условия для роста производства продуктов животноводства»[1]. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 июня 1962 г. закупочные цены для колхозов на скот и птицу повышены в среднем на 35 проц., масло — на 10 проц., сливки — на 5 проц. При этом закупочные цены повышены: на мясо крупного рогатого скота — на 41,9 проц., свиней — на 28,7 проц., овец — на 15 проц. и птицу — на 52,3 проц. Повышены также и сдаточные цены на скот и птицу, продаваемые государству совхозами и другими государственными хозяйствами. Эти цены установлены на 10 проц. ниже закупочных цен, утвержденных для колхозов. Повышение закупочных цен на продукты животноводства отвечает задаче, поставленной в Программе КПСС в области ценообразования: «Цены должны во все большей степени отражать общественно необходимые затраты труда, обеспечивать возмещение издержек производства и обращения и известную прибыль каждому нормально работающему предприятию»[2].

Повысив закупочные цены для колхозов и сдаточные цены для совхозов, партия привела в действие такой могучий рычаг развития производства, как принцип материальной заинтересованности, действие которого стало еще более всесторонним и универсальным, распространилось на все отрасли сельскохозяйственного производства. Существенное повышение закупочных цен на продукцию животноводства явилось крупным шагом в совершенствовании экономических отношений между государством и колхозами.

[1] Н. С. Хрущев. Всемерно укреплять производственные колхозно-совхозные управления. Госполитиздат, 1962, стр. 5—6.

[2] Программа КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 90.

Новые закупочные цены по колхозам Ульяновской области значительно приближены к себестоимости продукции животноводства, но и они еще не обеспечивают рентабельности животноводства во многих колхозах.

Закупочные цены по области на крупный рогатый скот средней упитанности составляют 98,8 проц. к себестоимости привеса крупного рогатого скота, взятой за два года (1960—1961 гг), на мясных свиней — 81 проц. к себестоимости привеса свинины. В марте 1962 года более высокие осенне-зимние цены на молоко и яйца были распространены на весенне-летний период, в результате чего закупочные цены составляли 90 проц. к себестоимости молока за 1961 год, вместо 80,7 проц., как это было раньше. Но это показатели в среднем по области. По данным годовых отчетов колхозов области за 1961 год, в 41 проц. колхозов рентабельным стало производство говядины с нормой рентабельности от 5,9 проц. до 68 проц. и в 22 проц. колхозов производство свинины. Таким образом, в значительной группе колхозов с повышением закупочных цен животноводство стало рентабельной отраслью. Однако и новые закупочные цены еще не обеспечивают рентабельности продукции животноводства во всех колхозах.

Это не означает, что существует необходимость более значительного повышения закупочных цен, ибо главным фактором повышения рентабельности животноводства должно быть снижение себестоимости. Новые закупочные цены побуждают колхозы к повышению производительности труда и снижению себестоимости продукции. В колхозах области имеются большие резервы снижения себестоимости продукции животноводства. За период с 1958 года по 1961 год колхозы области добились некоторого снижения себестоимости продуктов животноводства: себестоимость 1 цент. привеса крупного рогатого скота снизилась на 11 проц., свинины — на 10 проц., молока — на 11,1 проц. Но себестоимость продуктов животноводства продолжает оставаться высокой и является причиной убыточности животноводства в ряде колхозов.

Из анализа структуры себестоимости продуктов животноводства видно, что наибольший удельный вес составляют затраты на оплату труда и стоимость кормов. Удельный вес расходов на оплату труда в колхозах области колеблется от 30,2 проц. в себестоимости центнера

свинины до 50 проц. в себестоимости молока. Поэтому одним из главных резервов снижения себестоимости является повышение производительности труда и снижение затрат по оплате труда на единицу продукции, что связано, главным образом, с ростом механизации труда.

В настоящее время уровень механизации труда в животноводстве низок, велики затраты ручного труда. Животноводство продолжает оставаться самой трудоемкой отраслью сельского хозяйства. В колхозах Ульяновской области в 1961 году изо всех работ по содержанию поголовья крупного рогатого скота механизированное обслуживание составляло: при подаче воды — 33 проц., по очистке помещений от навоза — 23 проц., по раздаче кормов — 0,8 проц. и при доении коров — 4,1 проц. Много лишнего труда затрачивается из-за недостатков в его организации. В колхозах области, по данным годовых отчетов за 1960—1961 годы, на производство 1 цент. мяса крупного рогатого скота затрачивалось 14 человеко-дней, свинины — 15,6 человеко-дней.

Повышение уровня механизации труда, переход на передовые методы содержания и ухода за скотом позволяют увеличить нагрузку скота на каждого работника, занятого в животноводстве, повысить производительность труда и снизить себестоимость продукции. Например, при ручном доении коров доярка обслуживает 10—12 коров, при механическом доении коров на привязи — 25, а при беспривязном содержании — 80—100 коров, т. е. нагрузка повышается почти в десять раз по сравнению с ручным доением и в четыре раза по сравнению с механизированным доением на привязи.

Что это дает для хозяйства, видно из следующего примера. В учебном хозяйстве Ульяновского сельхозинститута с переходом на беспривязное содержание коров и механическое доение на «елочке» нагрузка на одну доярку составила 100 коров и высвободилось 20 доярок, 10 скотников, пять подвозчиков кормов. Экономия на зарплате за год составила свыше 22 тыс. рублей, а себестоимость молока снизилась почти вдвое, в результате чего молочное хозяйство стало высокорентабельным.

Механизация труда имеет большое значение не только в повышении производительности труда, но и в повышении продуктивности животноводства. По данным научно-исследовательских учреждений, только одно авто-

поение повышает удои и привесы на 8—10 проц. Расчеты показывают, что вследствие низкого уровня механизации водоснабжения колхозы Ульяновской области недополучили в 1961 году 8,2 тыс. тонн молока и 18,8 тыс. цент. мяса. В результате чего было потеряно почти три миллиона рублей денежной выручки.

Для повышения уровня механизации требуются большие капиталовложения. Повышение закупочных цен на продукты животноводства увеличивает денежные доходы колхозов и возможности накопления для расширенного воспроизводства. Только от повышения закупочных цен в 1962 году колхозы страны получили дополнительный доход свыше одного миллиарда рублей. Эти средства значительно увеличили возможность для строительства животноводческих помещений, механизации труда и повышения уровня оплаты труда колхозников.

Важным резервом снижения себестоимости продуктов животноводства является снижение себестоимости кормов. Удельный вес затрат на корма в себестоимости продукции животноводства в колхозах Ульяновской области колеблется от 27,2 проц. в себестоимости молока, до 54,25 в себестоимости свинины. Увеличение производства кормов и снижение их себестоимости является основным условием роста производства продуктов животноводства и снижение их себестоимости. Известно, что травопольная система земледелия нанесла большой ущерб развитию животноводства. С нею связано слабость кормовой базы, диспропорция между ростом поголовья скота и производством кормов, снижение продуктивности животноводства и рост падежа. Еще в 1960 году в структуре посевных площадей колхозов Ульяновской области посевы трав составляли 13 проц., лишь немногим меньше, чем под кукурузой, и 8 проц. площади пашни занимали чистые пары. Вместе с тем с одного гектара кукурузы в колхозах области получают в 4—5 раз больше кормовых единиц, чем с гектара сеяных трав. Следовательно, лишь за счет посевов сеяных трав и чистых паров колхозы недополучили 2489,4 тысячи цент. кормовых единиц или 396,5 тысячи цент. мяса в живом весе, что в полтора раза больше фактического валового производства мяса в 1960 году.

На мартовском Пленуме ЦК КПСС (1962 г.) и зональных совещаниях работников сельского хозяйства

была подвергнута резкой критике травопольная система земледелия, в результате господства которой страна ежегодно недополучала миллионы центнеров товарного зерна и мяса. Переход колхозов и совхозов к интенсивной системе земледелия — надежный путь увеличения зерна и укрепления кормовой базы. В 1962 году колхозы области значительно улучшили структуру посевных площадей, что видно из следующих сравнительных данных.

Структура посевных площадей в колхозах Ульяновской области (в % ко всей площади).[1]

	1961 г.	1962 г.
Вся посевная площадь	100,0	100,0
Зерновые культуры (без кукурузы)	58,3	65,3
из них:		
Зернобобовые	3,3	6,9
Крупяные	6,4	7,7
Кукуруза вся (на зерно и зеленую массу)	13,2	17,2
Кормовые культуры (без кукурузы)	20,9	7,2
в том числе:		
Сахарная свекла	0,7	1,5
Сеяные травы	10,0	5,7

Из показателей таблицы видно, что по сравнению с 1961 г. в посевных площадях колхозов удельный вес зерновых культур в 1962 году увеличился с 58,3 проц. до 65,3 проц., повысился удельный вес зернобобовых и крупяных культур. Удельный вес кукурузы поднялся с 13,2 до 17,2 проц., а доля сеяных трав снизилась почти в два раза. Повысилась эффективность использования пашни. По сравнению с 1961 годом удельный вес чистых паров снизился с 10,5 проц. до 2,4 проц.

Сокращение чистых паров, распашка малопродуктивных трав, замена их пшеницей, кукурузой, горохом, сахарной свеклой и другими ценными культурами явились существенным источником увеличения производства зерна и других продуктов сельского хозяйства. Жизнь показала неоспоримые преимущества интенсивной пропашной

[1] Таблица составлена по материалам Ульяновского областного статуправления.

системы земледелия перед малоэффективной травопольной системой земледелия. В колхозе им. Калинина бывшего Радищевского района Ульяновской области в 1962 году было распахано 234 га многолетних трав, с каждого гектара которых было получено в 1961 году по 17 цент. сена. Эта площадь была занята под ценные культуры: 164 га — под яровую пшеницу, 50 га — под просо и 20 га — под рожь. С этих участков в 1962 году получен следующий урожай: ржи — 15 цент. с га, проса — 7,8 цент. с га, яровой пшеницы — 12,3 цент. с га. В результате распашки многолетних трав получено с каждого гектара зерновых, посеянных на этой площади, по 15,6 цент. кормовых единиц, в то время как с гектара многолетних трав было получено сена в 1961 году по 8,5 цент. кормовых единиц. Таким образом, с каждого гектара той же площади, но при более эффективном ее использовании, было получено почти в два раза больше кормовых едниц. В колхозе «Россия» бывшего Ново-Спасского района в 1962 году было распахано 217 га многолетних трав и засеяно яровой пшеницей. Урожай яровой пшеницы на этой площади составил 14,6 цент. с га, в то время как в 1961 году было получено сена по 3,4 цент. с га. В итоге с каждого гектара посева яровой пшеницы в 1962 году получено по 19,2 цент. кормовых единиц, в то время как с каждого гектара многолетних трав с этой же площади было получено в 1961 году по 1,7 цент. кормовых единиц, т. е. в 10 раз меньше. Увеличение производства зерна позволило этим колхозам не только больше продать его государству по сравнению с прошлым годом, но и увеличить фуражные фонды. Резервы улучшения структуры посевных площадей в колхозах и совхозах не исчерпаны. Возможности лучшего использования земли за счет распашки многолетних трав и использования чистых паров имеются во многих хозяйствах. Однако не каждое хозяйство может привести эти резервы в действие. При введении этих земель в оборот потребуется дополнительная техника, семена и рабочая сила. Не каждое хозяйство располагает этими условиями. Поэтому при планировании размеров посевных площадей и их структуры нужно учитывать реальные возможности каждого колхоза.

Колхозы Ульяновской области в 1962 году значительно улучшили структуру посевных площадей кормовых

культур. Основной кормовой культурой в области стала кукуруза. На долю кукурузы приходится около 70 проц. посевных площадей кормовых культур, а удельный вес ее в валовом производстве кормовых культур еще выше. Улучшение структуры посевных площадей кормовых культур в связи с переходом на интенсивную пропашную систему земледелия позволяет не только увеличить производство кормов, но и снизить их себестоимость, что видно из сравнения экономической эффективности производства различных кормовых культур.

Экономическая эффективность кормовых культур[1]

	Урожайность цент. с 1 га	Получено кормовых ед. цент. с 1 га	Себестоим. 1 цент. корм. единицы руб.
Кукуруза на силос	124	24,8	1,3
Картофель	74	22,2	8,0
Сено сеяных трав	10,4	4,9	3,88

Как видно из таблицы, кукуруза является наиболее экономически эффективной кормовой культурой. Она дает не только большое количество кормовых единиц с гектара посева кормовых культур, но и наиболее низкую себестоимость кормовой единицы. При сравнительно небольшой урожайности зеленой массы кукурузы на силос в 124 цент. с гектара в 1961 году было получено с одного гектара посева в 5 раз больше кормовых единиц, чем с одного гектара посева трав, при себестоимости кормовой единицы кукурузы в три раза ниже себестоимости сена сеяных трав. Перспективной кормовой культурой в колхозах области является сахарная свекла. В настоящее время ее себестоимость еще высока, но опыт многих колхозов, получивших высокие урожаи сахарной свеклы, убедительно говорит в пользу этой культуры.

Повышение удельного веса кукурузы, сахарной свеклы, зернобобовых культур в кормовых посевах позволит изменить структуру кормовых рационов, снизить затра-

[1] Таблица составлена по данным годового отчета колхозов области за 1961 год. Материалы Ульяновского облстатуправления.

ты дорогих концентрированных кормов, особенно в рационах кормления свиней, повысить удельный вес сочных кормов и силоса, уменьшить удельный вес малопитательных грубых кормов, особенно соломы, в рационах кормления крупного рогатого скота и значительно снизить себестоимость кормовой единицы. Изменение структуры кормовых рационов и повышение качества кормов позволит уменьшить расход кормов на получение животноводческой продукции.

В настоящее время колхозы области допускают большой перерасход кормов. Так, на получение одного центнера свинины расходуется в среднем по области 12,9 цент. кормовых единиц при норме в 8, на производство одного центнера привеса крупного рогатого скота — 6,9 цент. кормовых единиц при норме в 5, что повышает себестоимость животноводческой продукции.

Не менее важным резервом снижения себестоимости продукции животноводства является повышение продуктивности скота. На эту сторону вопроса в практике еще недостаточно обращается внимания. Замена скота низкопородного более высокопородным и высокопродуктивным скотом является важным резервом снижения себестоимости. Влияние продуктивности скота на себестоимость продукции можно определить из сравнения показателей передовых колхозов со среднеобластными.

	Затрачено на 1 цент. привеса (цент. к ед.)	Получено поросят на 1 осн. свиноматку (голов)	Получено свинины на 1 осн. свиноматку (цент.)	На 100 га пашни (цент.)	На 1 работн., занятого в свиноводстве (цент.)	Приходится свиней на 100 га пашни (голов)	Себестоим. 1 цент. свинины (руб.)
По Ульяновской области	12.9	9.0	5.6	7.6	41.8	15.0	123.45
По колхозу им. Жданова	10.7	22.7	15.6	12.2	59.3	11.0	82.5

При высоких затратах кормовых единиц в колхозе им. Жданова бывшего Радищевского района Ульяновской области и в среднем по области различия в фактических нормах расхода кормов на получение центнера привеса свинины у них невелики, но себестоимость свинины в колхозе им. Жданова на 34 проц. ниже средне-

областной. Это связано с различной продуктивностью основных свиноматок. В колхозе им. Жданова получено от одной основной свиноматки в 2,5 раза больше поросят, чем в среднем по области. В результате чего, даже при более низкой плотности поголовья свиней на 100 га пашни, в колхозе им. Жданова получено свинины больше, чем в среднем по области: на одну основную свиноматку в 2,8 раза, на 100 га пашни на 60 проц. и на одного работника, занятого в свиноводстве, на 42 проц.

Использование всех имеющихся резервов в колхозах по снижению себестоимости продукции позволит превратить животноводство в ближайшие годы в высокорентабельную отрасль хозяйства.

Повышение закупочных цен на продукты животноводства явилось одним из важных звеньев в цепи совершенствования закупочных цен. Оно улучшило соотношение цен на продукты животноводства по сравнению с ценами на другие сельскохозяйственные продукты. Однако проблема совершенствования соотношения цен на различные сельскохозяйственные продукты еще не решена полностью.

Важное значение в проблеме совершенствования соотношения цен на различные сельскохозяйственные продукты имеет повышение закупочных цен на хлопок-сырец, сдаваемый из урожая 1963 года.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 марта 1963 года закупочные цены на хлопок-сырец повышены в среднем для колхозов на 20 проц., для совхозов и других государственных предприятий — на 12 проц. Это повышение привело в большее соответствие закупочные цены на хлопок-сырец с затратами труда и средств на производство хлопка и улучшило соотношение цен на хлопок и на другие сельскохозяйственные продукты. Так, на производство одного центнера хлопка-сырца затрачивается труда в 7,5—8 раз больше, чем на производство одного центнера пшеницы, а закупочная цена лишь в 5,4 раза превышала закупочную цену на пшеницу. Таким образом соотношение в ценах не соответствовало соотношению в затратах труда и себестоимости этих продуктов. Повышение закупочной цены на хлопок-сырец улучшило соотношение в ценах на хлопок и другие сельскохозяйствен-

ные продукты и создало более высокие материальные стимулы в увеличении производства хлопка, в росте урожайности, в снижении себестоимости и повышении нормы рентабельности.

Однако было бы неправильным представлять себе улучшение соотношения цен на сельскохозяйственные продукты только посредством повышения закупочных цен. Это двусторонний процесс. Он предполагает повышение цен на те продукты, по которым их уровень или не обеспечивает возмещения себестоимости продукции (как это было по продуктам животноводства), или не обеспечивает необходимой нормы рентабельности. Наряду с повышением закупочных цен он предполагает и снижение цен на те культуры, которые являются необоснованно высокорентабельными. Примером этого может служить закупочная цена на подсолнечник. Сопоставление закупочной цены на подсолнечник с закупочной ценой на пшеницу показывает, что она в 2,3 раза превышает закупочную цену на пшеницу, в то время как затраты труда на производство одного центнера подсолнечника и себестоимость его на 20 проц. ниже затрат труда и себестоимости пшеницы. Норма рентабельности подсолнечника, по данным за 1961 г., составила в целом по стране 444 проц., по областям Поволжья она колеблется от 404,8 проц. в Куйбышевской области, до 602 проц. в Волгоградской области, в то время как норма рентабельности по сахарной свекле составила 58 проц., по хлопку-сырцу — 68 проц., а с повышением цен на хлопок-сырец норма рентабельности будет составлять 90—100 проц. в целом по стране. Чрезмерно высокая рентабельность подсолнечника вряд ли отвечает задаче обеспечения более высоких материальных стимулов в увеличении производства этой культуры. Скорее наоборот: высокая закупочная цена не побуждает колхозы к повышению урожайности и снижению себестоимости, ибо и при низких урожаях подсолнечника колхозы получают высокие доходы. В Ульяновской области урожайность подсолнечника колеблется около 5—6 цент. с гектара. Несмотря на высокую норму рентабельности, увеличение валовых сборов семян подсолнечника происходит медленно и в основном за счет расширения площади посева. Так, в 1961 году по сравнению с 1958 г. валовой сбор семян подсолнечника увеличился на

127 тыс. тонн, т. е. на 2,8 проц., а площадь посева — на 310 тыс. гектаров, т. е. на 7,9 проц.[1] Некоторое снижение закупочной цены и нормы рентабельности не приведет к подрыву материальной заинтересованности в производстве этой культуры, а наоборот будет побуждать колхозы к улучшению агротехники возделывания подсолнечника, повышению урожайности и снижению себестоимости. Снижение нормы рентабельности до 60—90 проц. (что соответствовало бы норме рентабельности по другим техническим культурам) позволило бы сэкономить до 170—190 млн. рублей в год, расходуемых государством на заготовки подсолнечника, и использовать их для улучшения соотношения цен на сельскохозяйственные продукты.

* * *

Важную роль в материальном стимулировании колхозов, хозяйствующих в различных природно-климатических условиях, играет дифференциация закупочных цен по зонам страны. Дифференциация закупочных цен по зонам является объективной необходимостью, обусловленной наличием значительных различий в природно-экономических условиях хозяйствования в различных районах страны, оказывающих влияние на уровень производственных затрат и себестоимость продукции. Дифференцируя закупочные цены, устанавливая их на уровне более низком в зонах с более благоприятными природными условиями и на уровне более высоком в зонах с менее благоприятными природно-климатическими условиями, государство обеспечивает материальную заинтересованность в увеличении производства данного продукта во всех зонах, в которых осуществляется производство его в качестве товарной продукции.

Посредством дифференциации закупочных цен стимулируется углубление специализации производства по зонам, концентрация производства продуктов в тех зонах, в которых имеются наиболее благоприятные для этого условия с тем, чтобы производить продукты с наименьшими затратами труда в средств. Углубление специали-

[1] Народное хозяйство СССР в 1961 г. Госстатиздат, 1962, стр. 334—362.

зации материально стимулируется путем установления более высокой нормы рентабельности, что может быть обеспечено и при более низкой закупочной цене вследствие низкой себестоимости продукции.

Посредством дифференциации закупочных цен осуществляется распределение чистого дохода (включая дифференциальную ренту) между государством и колхозами. Устанавливая более низкие закупочные цены в зонах с наиболее благоприятными природными условиями, государство имеет возможность извлекать не только часть основного чистого дохода, но и значительную часть дифференциальной ренты. А повышением закупочных цен в зонах с менее благоприятными природными условиями государство изымает часть основного чистого дохода, обеспечивая возможность осуществления в необходимых размерах расширенного воспроизводства. Посредством дифференциации закупочных цен по зонам обеспечивается возможность распределения чистого дохода между государством и колхозами, а также внутри колхозного сектора таким образом, чтобы складывались более или менее равные возможности развития колхозов во всех зонах страны. Практическая же реализация этой возможности зависит от степени, глубины дифференциации закупочных цен. При слабой дифференциации закупочных цен по зонам в одних зонах может оседать значительная часть не только основного чистого дохода, но и дифференциальной ренты, в то время как в других зонах оставляемая в колхозах часть чистого дохода может являться недостаточной для обеспечения необходимых темпов развития производства. Поэтому правильная дифференциация закупочных цен по зонам является важным фактором преодоления резких различий в условиях развития колхозов, в уровнях развития их экономики и в создании «все более равных экономических условий повышения доходов для колхозов, находящихся в неравных природно-экономических условиях в различных зонах, а также внутри зон, с тем, чтобы последовательнее осуществлять принцип равной оплаты за равный труд в масштабе всей колхозной системы»[1].

С введением единых закупочных цен в 1958 году поясная дифференциация цен была значительно расши-

[1] Программа КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 82,

рена. Так, в РСФСР по зерну вместо шести зон было образовано восемь зон, в Украинской ССР — четыре зоны, в Казахской ССР — также четыре зоны. Кроме того, дифференцированы цены по союзным республикам. Всего цены на зерно дифференцированы по тридцати четырем зонам. Осуществлена дифференциация цен на продукты животноводства. На мясо по РСФСР цены дифференцированы по семи зонам и на молоко по восьми зонам. По сравнению с прошлым периодом существующая дифференциация цен значительно улучшена, она является определенным достижением практики ценообразования. Однако, для того, чтобы дифференциация цен полностью отвечала поставленным задачам, требуется дальнейшее ее углубление по зонам, а также увеличение числа ценовых зон.

Как показывает практика, дифференциация закупочных цен по зонам еще недостаточно отражает значительные различия природно-экономических условий, существующих между районами, областями, республиками. Соотношение уровней себестоимости зерна по ценовым зонам РСФСР может служить известным показателем различий природно-экономических условий, существующих по зонам. Сопоставление различий в уровнях себестоимости зерна по зонам с дифференциацией закупочных цен показывает, что последняя выражена значительно слабее. Это подтверждается показателями следующей таблицы.

Себестоимость зерна и фактические реализационные цены по ценовым зонам РСФСР взяты за период 1959—1961 годов[1]

Ценовые зоны	Кол-во областей и автономных республик	Себестоим. 1 ц зерна в % к 1 зоне	Закупочн. цена в % к 1 зоне[2]	Фактическ. реализац. цена в % к 1 зоне	Норма рентабельности по закупочной цене (в %)	Норма рентабельности по фактич. реализац. цене (в %)
1	2	3	4	5	6	7
I	1	100,0	100,0	100,0	211,9	187,2
II	5	126,3	103,7	109,1	186,0	147,8
III	6	181,5	115,4	117,6	113,1	86,1

[1] Таблица рассчитана по разработкам годовых отчетов колхозов РСФСР за 1959—1961 гг. и прейскуранта закупочных цен № 70—09, 1960, стр. 3—4.

[2] Закупочная цена взята только на пшеницу мягкую.

1	2	3	4	5	6	7
IV	10	159,3	119,2	103,0	150,8	85,5
V	9	178,4	126,9	127,1	138,5	105,0
VI	26	313,4	130,8	133,8	39,8	22,5
VII	6	276,9	130,8	143,5	58,3	48,8
VIII[1]	3	846,4	130,8	195,0[2]	48,2	33,6

Из таблицы видно, что между зонами существуют значительные различия в уровне себестоимости зерна. Себестоимость зерна в шестой ценовой зоне, к которой относятся почти все области Северо-Запада, Центра и Волго-Вятский район, в три раза превышает себестоимость зерна в первой ценовой зоне, к которой относится Краснодарский край. А в восьмой ценовой зоне (Архангельская область, Коми АССР и Карельская АССР) себестоимость в восемь с половиной раз выше, чем в первой зоне. Закупочная же цена на пшеницу мягкую в этих зонах установлена всего лишь на 31 проц. выше, чем в первой зоне. Причем, закупочная цена на зерно практически дифференцирована по шести зонам, так как для последних трех зон установлена одинаковая цена. Закупочная же цена на рожь дифференцирована между крайними зонами на 54,6 проц.

Дифференциация по фактическим реализационным ценам несколько бо́льшая, что связано с различиями в структуре товарного зерна и качеством сдаваемой продукции, а также с применением на практике принципа подвижности цен. С 1958 по 1961 гг. включительно в основных зерновых районах цены устанавливались ниже уровня введенных в 1958 г. цен, в то время как в остальных районах применялись, как правило, стабильные цены. Значительные различия в уровнях себестоимости зерна по зонам при слабой дифференциации закупочных цен обусловливают резкие различия в рентабельности производства зерна по зонам. Норма рентабельности в основных зерновых районах (по фактической цене реализации) колеблется от 85,5 проц. в четвертой зоне до 187,2 проц. в первой зоне, в то время как в шестой зоне рентабельность составляет лишь 22,5 проц., а в восьмой

[1] В восьмую зону не включена Карельская АССР.
[2] За 1959 год.

зоне производство зерна является убыточным — убыток составляет 33,6 проц.

В записке в Президиум ЦК КПСС «О некоторых вопросах специализации сельского хозяйства в Белоруссии, Прибалтийских республиках и северо-западных областях Российской Федерации» Н. С. Хрущев обращает внимание на высокую себестоимость зерна в этих районах и необходимость углубления специализации их на мясо-молочном животноводстве, свиноводстве, птицеводстве, а также предлагает в качестве ближайшей перспективы освободить эти районы от закупок товарного зерна и заменить их закупками продуктов животноводства.

Наряду с дальнейшим развитием специализации существует необходимость углубления дифференциации закупочных цен по зонам, производящим товарное зерно. Дифференциация закупочных цен по зонам должна в большей мере отражать объективно существующие значительные различия природных и экономических условий по зонам. В то же время она должна содействовать углублению специализации. Поэтому одинаковой нормы рентабельности зерна в различных зонах не может быть. Более высокая норма рентабельности зерна в основных зерновых районах будет и в дальнейшем стимулировать их на производстве зерна. Но фактическая норма рентабельности в 140—180 проц., которая имеет место в первой и во второй зонах, является чрезмерно высокой, в то время когда в значительной группе районов, производящих товарное зерно, имеет место низкая норма рентабельности, которая не отвечает задаче стимулирования производства.

Значительные различия в себестоимости по зонам существуют и по другим сельскохозяйственным продуктам. Так, себестоимость сахарной свеклы (1960—1961 гг.) по ценовым зонам различается в 2,8—3,5 раза, а фактические реализационные цены на 17—48 проц. Себестоимость картофеля, рассчитанная в разрезе ценовых зон по зерну, различается более чем в 2,5 раза, а по отдельным областям колебания являются еще более значительными. В то же время, за исключением небольшого числа областей, освобожденных от планов государственных закупок картофеля и реализующих его по розничным ценам, преобладающее большинство областей реализу-

ют его по единой для всей республике закупочной цене, чем порождаются резкие различия в нормах рентабельности.

Существенные различия в себестоимости по ценовым зонам имеются и по продуктам животноводства, хотя эти различия выражены не так резко и не в такой строгой последовательности, как по продуктам растениеводства. Кроме того, ценовые зоны по продуктам животноводства более крупные, чем по зерну. Поэтому себестоимость, исчисленная по зоне как средняя величина, не отражает тех значительных различий, которые имеются между отдельными областями и природно-экономическими районами, входящими в одну зону. Так, в пятой ценовой зоне себестоимость мяса крупного рогатого скота превышает себестоимость его в первой зоне на 14,7 проц., в то время как по Волго-Вятскому природно-экономическому району, входящему в эту же зону, превышение составляет 31,3 проц. Дифференциация закупочных цен по зонам значительно слабее, чем различия в уровнях себестоимости продукции животноводства, причем последовательность ее по зонам не всегда соответствует последовательности в отклонениях себестоимости продукции. С введением с 1 июня 1962 г. повышенных закупочных цен на продукты животноводства несколько улучшилось соотношение цен по зонам. В нем нашло большее отражение соотношение уровней себестоимости. Однако дальнейшее углубление дифференциации закупочных цен по зонам на продукты животноводства продолжает оставаться актуальной задачей.

Итак, существующая дифференциация закупочных цен по зонам значительно слабее, чем имеющиеся различия в уровнях себестоимости продукции. Слабая дифференциация цен по зонам приводит к резким различиям в нормах рентабельности на одни и те же продукты, производимые в разных зонах, что порождает резкие различия в условиях развития колхозов, хозяйствующих в различных природно-экономических зонах. В колхозах, хозяйствующих в благоприятных природно-экономических условиях, образуется высокая норма рентабельности как по отдельным отраслям, а также и по хозяйству в целом, в них оседает значительная часть дифференциальной ренты, в то время как в колхозах, хозяйствующих в менее благоприятных условиях, ощущается

недостаток средств для расширенного воспроизводства, так как они не получают даже необходимой нормы накопления. Так, рассчитанная за два года (1960—1961 гг.) совокупная норма рентабельности составила по первой ценовой зоне 30,1 проц., а по шестой — всего лишь 1,7 проц. Колхозы первой зоны отчислили в неделимый фонд на 100 га земли сельскохозяйственного пользования в четыре раза больше средств и оплатили труд колхозников в два раза выше, чем колхозы шестой зоны.

Для повышения материальных стимулов увеличения производства продукции колхозам, хозяйствующим в менее благоприятных условиях, а также для создания более равных экономических условий повышения доходов и преодоления резких различий в уровне экономического развития, необходимо осуществить более глубокую дифференциацию закупочных цен по зонам.

Совершенствование дифференциации закупочных цен по зонам не может ограничиться только углублением степени дифференциации их по зонам, оно предполагает и изменение границ ценовых зон, разукрупнение существующих ценовых зон. В связи с этим встает вопрос о принципах, которые должны учитываться при формировании ценовых зон. Обоснование границ ценовых зон является важнейшей составной частью общей проблемы совершенствования дифференциации закупочных цен.

Существующие ценовые зоны слишком громоздки, они включают в себя обширные территории с различными природными и экономическими условиями, с различным уровнем развития экономики колхозов и различным направлением хозяйства. Включение в одну зону с единой ценой большого числа областей и республик, имеющих различия природных и экономических условий производства, приводит к большим различиям в уровнях себестоимости продукции внутри зоны. Нередко различия в уровнях себестоимости продукции внутри зоны являются более значительными, чем между зонами.

О наличии существенных различий в уровне себестоимости продукции внутри зоны можно судить по отклонениям минимальной и максимальной себестоимости от среднезональной. Сама среднезональная себестоимость сглаживает различия. Более резко эти различия выступают при сравнении минимальной и максимальной себестоимости по областям внутри зоны. Но

и этот показатель, на наш взгляд, является достаточным для того, чтобы судить насколько однородна или неоднородна зона.

Отклонение себестоимости зерна от среднезональной[1], принятой =100%

Ценовые зоны	Количество обл. и автономных республик	Себестоимость зерна в % к среднезональной = 100 %	
		минимальная	максимальная
I	1	—	—
II	5	78,8	157,1
III	6	75,0	151,7
IV	10	81,9	152,0
V	9	80,4	243,1
VI	26	55,1	240,3
VII	6	64,8	150,8
VIII	3[2]	98,5	107,3

Наибольшие различия в уровнях себестоимости отмечаются в пятой и шестой ценовых зонах. Шестая зона включает в себя 20 областей и 6 автономных республик. Ясно, что на такой обширной территории не может быть однородных условий производства. Обширна по территории и пестрая по составу и пятая ценовая зона. Она включает в себя области Среднего (кроме Татарской АССР) и Нижнего Поволжья, Оренбургскую область, Калмыцкую АССР и Дагестанскую АССР. Между этими областями и республиками существуют значительные различия природно-климатических условий.

Из всей совокупности признаков, характеризующих природно-климатические условия, особенно важным для сельскохозяйственного производства является плодородие почвы, влагообеспеченность, выражающаяся в количестве выпадающих за год осадков, и тепловой режим, показателями которого являются среднегодовая температура воздуха и, особенно сумма положительных температур свыше 10°, при которых происходит вегетация растений, а также количество безморозных дней. При формировании ценовых зон должна учитываться, прежде

[1] Таблица рассчитана по материалам ЦСУ СССР.
[2] Без Карельской АССР.

всего, однородность природно-климатических условий по этим важнейшим показателям.

Между тем, по областям и автономным республикам пятой ценовой зоны имеются существенные различия по этим признакам. Для областей Среднего Поволжья характерен более умеренный климат и относительно бо́льшая увлажненность. По мере продвижения к югу Поволжья климат становится более теплым и жарким и более засушливым. Так, в Ульяновской области среднегодовая температура воздуха составляет 3,2—4,4°, сумма температур свыше + 10° составляет 2200—2300°, количество безморозных дней 125—140 и среднегодовое количество осадков 350—450 мм. В Волгоградской области эти показатели соответственно таковы: 5,4 — 6,3°, 2880 — 3200°, 162—177 дней и среднегодовое количество осадков 260—425 мм.

Имеются и значительные различия по почвенному покрову между областями и республиками пятой ценовой зоны. Что касается областей Поволжья, то здесь обнаруживается повышение значения черноземных почв по мере продвижения от Среднего к Нижнему Поволжью. В областях Среднего Поволжья, особенно в Пензенской и Ульяновской, имеются довольно значительные массивы менее плодородных лесных и лесостепных почв, а из черноземов (Ульяновская обл.) преобладают выщелоченные и оподзоленные.

Резко выделяется по природным условиям в зоне Дагестанская АССР. Дагестанская АССР — горная страна. Значительная часть территории вообще не пригодна для сельскохозяйственного производства. Земледелие сосредоточено здесь в основном в низменной и предгорной зонах республики. Низменная (плоскостная) зона Дагестана характеризуется высокой среднегодовой температурой воздуха (+11°), засушливым климатом и является основной зоной орошаемого земледелия. Основным видом почв в низменной зоне являются каштановые и разнообразные луговые почвы, которые характеризуются повышенным содержанием солей и недостаточным содержанием питательных веществ. Поэтому при использовании эти почвы нуждаются в удобрениях. Кроме того, вследствие горного рельефа местности почвы Дагестана засорены щебнем и камнями, что затрудняет их использование.

Итак, по природно-климатическим условиям выделяются в самостоятельные группы области Среднего Поволжья, Нижнего Поволжья и резко выделяется Дагестанская АССР. Эти различия оказывают влияние на специализацию хозяйств, на производительность труда, на уровень производственных затрат и себестоимость продукции.

Рассмотрим размер производственных затрат на гектар посева и себестоимость зерна в областях и республиках пятой ценовой зоны.

Производственные затраты на 1 га посева и себестоимость зерна по областям пятой ценовой зоны РСФСР за период 1958—1961 годов[1]

Наименование областей и автономных республик	Производственные затраты на 1 га посева зерновых [рубл.]	Себестоимость 1 ц зерна в % к Волгоградской обл. = 100 %
Астраханская обл.	17,66	135,0
Калмыцкая АССР	27,75	88,0
Волгоградская обл.	28,33	100,0
Саратовская обл.	30,33	128,0
Куйбышевская обл.	33,32	123,0
Ульяновская обл.	34,65	132,2
Пензенская обл.	40,57	156,0
Оренбургская обл.	28,30	97,3
Дагестанская АССР	76,54	294,1

Как видно из таблицы, между областями и республиками пятой ценовой зоны существуют значительные различия в размере производственных затрат на гектар посева зерновых. Причем производственные затраты в областях Среднего Поволжья более высокие, чем в областях Нижнего Поволжья. Наиболее высокие производственные затраты в Дагестанской АССР. Анализ структуры производственных затрат показывает, что значительные различия существуют за счет затрат труда в связи с различиями в уровне механизации производственных процессов и с эффективностью использования

[1] Таблица рассчитана по разработкам годовых отчетов колхозов РСФСР за 1958—1961 гг.

техники в различных природных условиях. Определенное влияние оказывают также различные объемы работ по внесению удобрений в почву. Так, в областях Среднего Поволжья в почву вносятся больше удобрений, чем в областях Нижнего Поволжья, в то время как эти работы механизированы недостаточно.

Резко выделяется в зоне по объему производственных затрат на гектар посева зерновых Дагестанская АССР. Производственные затраты в Дагестанской АССР (по данным за 1961 г.) почти в три с половиной раза превышают производственные затраты в Оренбургской области и более чем в два раза в Пензенской области, имеющей самые высокие производственные затраты в областях Поволжья. Для того чтобы яснее представить себе за счет каких основных элементов происходит столь значительное превышение производственных затрат в целом, сопоставим структуру производственных затрат на гектар посева зерновых в Дагестанской АССР с Оренбургской областью, имеющей в основном степной ландшафт.

Структура производственных затрат на один гектар посева зерновых в Дагестанской АССР в проц. к данным Оренбургской области, принятым за 100 проц.

Наименование областей и автономных республик	Оплата труда по совхозным нормам	Семена	Удобрения	Затраты на работу тракторного парка	Затраты на работу транспорта	Общепроизводственные расходы	Всего производственных затрат
Оренбургская область	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Дагестанская АССР	555,0	304,0	3700,0	70,0	228,7	311,3	346,5

Из таблицы видно, что в Дагестанской АССР затраты труда на гектар посева зерновых в 5,5 раза больше, чем в Оренбургской области. Это связано, прежде всего, с более низким уровнем механизации производственных процессов в зерновом хозяйстве. Если в Оренбургской области высоко механизированы производственные процессы, связанные не только с обработкой почвы, но и с обработкой полученного урожая (очистка зерна механизи-

рована на 98,8 проц., погрузка зерна — 99,9 проц.), то в Дагестанской АССР механизированы слабее не только эти операции (64,9 проц. и 52,3 проц.), но и не осуществлена полностью механизация основных производственных процессов, связанных с получением урожая. Более низкий уровень механизации производственных процессов в Дагестанской АССР обусловлен горным рельефом. Засоренность почвы камнями, наличие оросительной сети приводит к большому дроблению пахотных участков (из всей площади пашни 50 проц. составляют пахотные участки менее 10 га), что затрудняет использование сельскохозяйственной техники и снижает ее производительность. Среднегодовая выработка на один условный трактор в Дагестанской АССР в два раза ниже, чем в Оренбургской области, а себестоимость одного гектара мягкой пахоты на 24 проц. выше.

Помимо больших различий в затратах труда существуют большие различия в затратах удобрений. Почвы Дагестанской АССР сравнительно бедны содержанием питательных веществ. Поэтому использование их требует внесения большого количества органических и минеральных удобрений. Затраты удобрений на один гектар посева зерновых в 37 раз превышают затраты в Оренбургской области, имеющей плодородные черноземные почвы.

Обращают на себя внимание более высокие затраты, связанные с работой транспорта, и общепроизводственные и общехозяйственные расходы. Это в значительной степени связано с меньшей концентрацией производства, что также обусловлено особенностями горных условий республики.

Итак, между областями и республиками пятой ценовой зоны имеются значительные различия в уровне производственных затрат на гектар посева зерновых, что обусловлено как экономическими, а также и природными условиями. Значительные различия в уровне производственных затрат при небольших различиях в уровне урожайности зерновых культур по областям и республикам пятой ценовой зоны приводят к резким различиям в себестоимости зерна. Так, в Куйбышевской области урожайность зерновых за анализируемый период (1958—1961 гг.) такая же, как и в Волгоградской области, а производственные затраты на гектар посева на

16,6 проц. выше, в Пензенской области при более низкой урожайности затраты на гектар посева почти в полтора раза выше, чем в Волгоградской области. Соответственно выше в этих областях и себестоимость зерна: в Куйбышевской области на 23 проц., а в Пензенской области более чем в полтора раза выше, чем в Волгоградской области.

Анализ уровня себестоимости зерна по областям Поволжья показывает, что себестоимость возрастает в областях Среднего Поволжья по сравнению с областями Нижнего Поволжья. В областях Среднего Поволжья наиболее высокая себестоимость зерна в Пензенской области. Самый высокий уровень себестоимости зерна в зоне существует в Дагестанской АССР. Между тем, эти области и республики, существенно различающиеся по природным и экономическим условиям, входят в одну ценовую зону с единой закупочной ценой, в результате чего складываются резкие различия в рентабельности производства зерна в зоне. В целом по зоне рентабельность зерна за период 1959—1961 годов составила 105 проц. Наиболее высокая норма рентабельности в областях Волгоградской — 151,5 проц., Оренбургской — 150 проц., Калмыцкой АССР — 148,9 проц. Такая норма рентабельности является чрезмерно высокой. Более низкая норма рентабельности существует в областях Среднего Поволжья, хотя и здесь ее уровень высок: в Куйбышевской области — 131,4 проц., в Ульяновской области — 101,5 проц., в Пензенской области 52,9 проц. В то же время в Дагестанской АССР фактическая реализационная цена не возмещает себестоимость зерна и убыток составляет 16,9 проц.

Значительные различия в уровне себестоимости и норме рентабельности имеются и по другим продуктам растениеводства, в результате чего существуют значительные различия в совокупной рентабельности по растениеводству в целом. Наиболее высокая норма рентабельности существует в Волгоградской области. По данным за 1961 г., норма рентабельности по растениеводству в целом составила здесь 204,8 проц. Такая норма рентабельности значительно превышает действительные потребности расширенного воспроизводства и включает в себя значительную часть дифференциальной ренты. В областях Среднего Поволжья совокупная норма рен-

табельности по отрасли значительно ниже, чем в Волгоградской области. В Пензенской области совокупная норма рентабельности составила 114,6 проц. Самая низкая норма рентабельности по растениеводству в целом сложилась в Дагестанской АССР — 26 проц.

Значительные различия существуют между областями и республиками пятой ценовой зоны и по себестоимости продуктов животноводства.

Себестоимость продуктов животноводства по областям пятой ценовой зоны РСФСР в 1959—61 годах[1]

Наименование областей и автономных республик	Себестоимость продуктов животноводства в % к данным Волгоградской области = 100 %			
	баранина	шерсть	говядина	свинина
Волгоградская	100,0	100,0	100,0	100,0
Астраханская	65,4	60,8	85,7	112,2
Калмыцкая	83,8	80,8	86,1	89,1
Саратовская	131,2	149,9	132,5	140,8
Куйбышевская	161,8	154,6	129,1	126,6
Ульяновская	183,4	190,2	142,5	146,9
Пензенская	193,0	197,8	137,2	154,2
Оренбургская	117,8	124,5	100,9	109,6
Дагестанская АССР	98,8	98,3	175,8	140,0

Из таблицы видно, что между областями Поволжья обнаруживаются не просто различия в уровне себестоимости продукции животноводства, но и отмечается определенная тенденция повышения ее в областях Среднего Поволжья по сравнению с областями Нижнего Поволжья.

На себестоимость продукции животноводства влияют факторы организационно-экономического и природно-экономического характера. Что касается влияния факторов организационно-экономического порядка, оказывающих воздействие на уровень себестоимости продукции по областям, то со временем оно может быть ослаблено. Влияние же фактора природно-экономического характера является более устойчивым. Поскольку в себестоимо-

[1] Таблица рассчитана по разработкам годовых отчетов колхозов пятой ценовой зоны. Материалы ЦСУ СССР.

сти продукции животноводства большой удельный вес составляет стоимость кормов, природный фактор оказывает существенное влияние на себестоимость продукции животноводства. На откорме свиней, например, применяется главным образом зернофураж. Значительные различия в себестоимости зерна по областям обусловливают и значительные различия в себестоимости кормов. Так, в Ульяновской области себестоимость одной кормовой единицы при откорме свиней на 79 проц., а на откорме крупного рогатого скота на 40 проц. выше, чем в Волгоградской области.

Имеющиеся различия в природных и экономических условиях хозяйствования по области и республикам пятой ценовой зоны, оказывающие влияние на уровень себестоимости продукции, не учитываются в закупочных ценах, так как реализация продуктов животноводства осуществляется по единым закупочным ценам. В результате этого по областям и республикам пятой ценовой зоны складываются резкие различия в рентабельности (или убыточности) продуктов животноводства. Высокая норма рентабельности по животноводству в целом складывается в Калмыцкой АССР. По данным за 1961 год, она составляла 66,9 проц., а с учетом повышения цен на продукты животноводства с 1 июня 1962 года — 70,3 проц., соответственно в Астраханской области — 35,3 проц. и 46,6 проц., в Волгоградской области — 6,6 проц. и 20,2 проц. Что касается областей Среднего Поволжья, то там все животноводство было убыточно. С повышением цен на продукты животноводства убыточность его в этих областях сокращается в полтора-два раза. Почти ликвидируется убыточность производства говядины. Производство же свинины продолжает оставаться убыточным, в то время как на долю свинины в этих областях приходится до половины и более всего валового производства мяса. Главным условием сокращения убытков и превращения животноводства в областях Среднего Поволжья в рентабельную отрасль является снижение себестоимости продукции, что связано с повышением уровня механизации, сокращением затрат живого труда и снижением себестоимости кормов. Важную роль в преодолении больших различий в нормах рентабельности между областями Среднего и Нижнего Поволжья имело бы совершенствование дифференциации закупочных цен.

На совокупную норму рентабельности, складывающуюся по хозяйству в целом, оказывает влияние рентабельность отдельных отраслей, а также соотношение отраслей в хозяйстве между собою. Более высокая норма рентабельности, складывающаяся в областях Нижнего Поволжья по важнейшим продуктам растениеводства и животноводства, обусловливает и более высокую совокупную норму рентабельности по хозяйству в целом по сравнению с областями Среднего Поволжья. Совокупная норма рентабельности является важным экономическим показателем итогов хозяйственной деятельности, а также возможностей расширенного воспроизводства в колхозах и повышения уровня оплаты труда колхозников. Высокая норма рентабельности есть результат большей величины чистого дохода. Чем больше чистый доход, тем больше средств может быть использовано на развитие производства, на пополнение неделимого фонда и других общественных фондов. Низкая норма рентабельности ограничивает средства, используемые на накопление и расширение производства.

Совокупная рентабельность колхозов по областям пятой ценовой зоны РСФСР по данным 1961 года[1]

Наименование областей и автоном. республик	Совокупная рентабельность (по фактич. ценам реализац. в %)	Совокупная рентабельность с учетом повышен. цен на продук. животноводства в %	Отчислено в общественные фонды в %	
			к стоимости основных и оборотных фондов	к себестоимости
Калмыцкая АССР	83,6	100,5	16,14	41,3
Астраханская	53,8	62,3	13,37	33,0
Волгоградская	65,2	74,8	14,12	32,9
Саратовская	32,6	39,6	9,46	19,6
Куйбышевская	24,3	30,4	8,26	16,8
Ульяновская	18,5	26,0	11,4	14,6
Пензенская	21,1	28,5	8,4	15,3
Оренбургская	59,9	67,9	6,6	23,3
Дагестанская АССР	9,5	16,7	9,7	14,1

[1] Таблица рассчитана по разработкам годовых отчетов колхозов пятой ценовой зоны. Материалы ЦСУ СССР.

Высокая совокупная норма рентабельности существует в областях Нижнего Поволжья, Калмыцкой АССР и Оренбургской области. Норма рентабельности в этих областях значительно превышает оптимальную норму накопления. Еще более возрастает норма рентабельности в этих областях с повышением цен на продукты животноводства. Такая высокая норма рентабельности является показателем того, что в колхозах этих областей оседает значительная часть дифференциальной ренты. Самая низкая норма рентабельности складывается в Дагестанской АССР. Ее уровень значительно ниже необходимой для расширенного воспроизводства нормы накопления.

Более высокая норма накопления в областях Нижнего Поволжья обеспечивает им возможности большего отчисления денежных средств в общественные фонды на развитие общественного хозяйства. Отчисления в общественные фонды к стоимости основных и оборотных фондов в этих областях составляют 13—14 проц., в то время как в областях Среднего Поволжья — 8—11 проц., что означает возможность соответствующего их увеличения. Еще более значительные различия в возможностях расширенного воспроизводства по областям и республикам зоны обнаруживаются при анализе группировок колхозов по отчислениям в неделимые фонды в процентах к денежному доходу. В Калмыцкой АССР в 1961 году 91 проц. всех колхозов отчислили в неделимые фонды более 25 проц., а в Ульяновской области это смогли сделать лишь 31,3 проц. всего числа колхозов и примерно столько же колхозов (30,0 проц.) отчислили в неделимые фонды менее 20 проц.

Такие резкие различия в нормах рентабельности по областям и республикам зоны, а следовательно, и в условиях расширенного воспроизводства, вызваны различиями в природных и экономических условиях хозяйствования. Между тем, непременным условием высоких темпов развития сельского хозяйства является осуществление в необходимых размерах расширенного воспроизводства во всех колхозах, в том числе и находящихся в менее благоприятных объективных условиях хозяйствования, что связано с улучшением дифференциации закупочных цен.

Резкие различия по областям и республикам зоны

существуют и в оплате труда колхозников. В целом в областях Нижнего Поволжья оплата труда выше, чем в областях Среднего Поволжья. Оплата труда в Калмыцкой АССР в среднем за 1960—1961 гг. более чем в два раза превышает оплату труда колхозников в Дагестанской АССР. Такие резкие различия в оплате труда не могут быть обусловлены только различиями в качестве затрачиваемого труда, в значительной мере они связаны с различиями в объективных условиях хозяйствования.

Итак, существующие ценовые зоны слишком громоздки. Они включают в себя большое число областей и автономных республик, резко различающихся по природным и экономическим условиям хозяйствования. Применение единой закупочной цены в этих условиях порождает внутри зоны чрезмерную пестроту в нормах рентабельности по отдельным сельскохозяйственным продуктам, отраслям и по хозяйству в целом, а также в уровнях оплаты труда колхозников. Резкие различия в результатах хозяйственной деятельности становятся исходным моментом последующих циклов производства, вследствие чего имеющиеся значительные различия в уровнях развития колхозов не преодолеваются, а воспроизводятся и сохраняются. Вместе с тем, поднятие кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной будет происходить тем быстрее и интенсивнее, чем быстрее будут преодолеваться существенные различия в уровне экономического развития внутри колхозного сектора как между отдельными областями, так и внутри областей между отдельными колхозами. Существование слишком громоздких зон не отвечает этой задаче. Важную роль в выравнивании уровней развития колхозов, хозяйствующих в различных природно-климатических условиях, играет установление обоснованных ареалов ценовых зон и дифференциация закупочных цен по зонам.

Правильное обоснование границ ценовых зон требует определения критериев, которые должны быть положены в основу формирования ценовых зон. Прежде всего в основе ценовых зон должны лежать более или менее одинаковые природные и экономические условия производства. В существующих ценовых зонах этот принцип не нашел последовательного применения.

По природно-климатическим условиям в пятой ценовой зоне выделяются в самостоятельные группы: 1) области Среднего Поволжья, 2) области Нижнего Поволжья и Калмыцкая АССР и 3) резко выделяется по природно-климатическим условиям в зоне Дагестанская АССР. Оренбургская область по этим признакам ближе тяготеет к областям Южного Урала — Челябинской и Курганской.

При определении границ ценовых зон должен учитываться уровень себестоимости продукции. Ценовые зоны должны включать области, имеющие сравнительно небольшие отклонения в уровне себестоимости продукции. В противном случае будет порождаться большая пестрота в нормах рентабельности на одни и те же продукты по областям внутри зоны. Формирование ценовых зон более однородных по природным и экономическим условиям позволит осуществить и этот важнейший принцип.

По уровню себестоимости зерна и продуктов животноводства выделяются в самостоятельные группы: 1) области Нижнего Поволжья и Калмыцкая АССР, 2) области Среднего Поволжья, имеющие более высокий уровень себестоимости и 3) Дагестанская АССР, имеющая самую высокую себестоимость в зоне по зерну и некоторым продуктам животноводства.

Одним из важнейших принципов обоснования границ ценовых зон и дифференциации закупочных цен является учет специализации хозяйства. Ценовые зоны должны включать области, имеющие примерно одинаковую специализацию хозяйства. Формирование ценовой зоны с учетом специализации хозяйства позволит, во-первых, установить более обоснованный уровень зональной закупочной цены с учетом себестоимости продукции и создания более высоких материальных стимулов в увеличении производства тех продуктов, для которых в зоне имеются наиболее благоприятные природные условия. Во-вторых, позволит создать более равные экономические условия развития для колхозов одинакового производственного направления и преодолеть чрезмерную пестроту в нормах рентабельности по областям, входящим в эту зону. Формирование ценовых зон более однородных по природно-климатическим условиям облегчит решение и этой задачи, так как специализация в значительной мере определяется природными условиями.

В существующих ценовых зонах принцип объединения областей и республик, имеющих более или менее одинаковую специализацию хозяйства, не выдержан. Ценовые зоны включают области различной специализации хозяйства. Вследствие резких различий в условиях производства и специализации хозяйства складываются значительные различия в нормах рентабельности по областям в пределах одной зоны.

При формировании ценовой зоны должны учитываться экономические показатели, характеризующие уровень экономического развития колхозов областей и республик. Включение в ценовую зону с единой закупочной ценой областей, резко различающихся по уровню экономического развития, будет создавать неравные условия в развитии колхозов этих областей. Причем, важнейшим показателем, который должен приниматься во внимание, является совокупная норма рентабельности. Показатель нормы рентабельности по отдельным продуктам и совокупной нормы рентабельности должен приниматься во внимание при установлении уровня зональной закупочной цены и степени ее дифференциации по зонам.

Совокупная норма рентабельности является показателем возможностей снижения цен в зонах с чрезвычайно высокой нормой рентабельности и необходимости повышения их в зонах с низкой нормой рентабельности или даже убыточных. Таким образом, совокупная норма рентабельности должна приниматься во внимание при регулировании денежных доходов между зонами посредством дифференциации закупочных цен так, чтобы обеспечивалась возможность осуществления в необходимых размерах расширенного воспроизводства во всех зонах.

Принимая во внимание показатели, которые должны учитываться при формировании ценовой зоны, пятую ценовую зону целесообразно было бы разукрупнить, так как существование такой громоздой зоны не оправдано экономически. Из нее целесообразно было бы выделить в самостоятельные зоны: I — Астраханскую область, Калмыцкую АССР, Волгоградскую область и II — Саратовскую, Куйбышевскую, Ульяновскую и Пензенскую области, дифференцировав между ними цены, установив более низкие цены для I зоны. Дагестанскую АССР нужно вывести из состава этой зоны, так как пребывание ее там не оправдано экономически. Дагестанская

АССР имеет самый высокий уровень себестоимости зерна, молока, говядины в зоне и самую низкую совокупную норму рентабельности. Ее целесообразно было бы выделить в самостоятельную зону, так как по сравнению с другими автономными республиками Северного Кавказа она имеет по ряду важнейших продуктов более высокую себестоимость. Оренбургскую область целесообразнее отнести к областям Южного Урала — Челябинской, Курганской, с которыми ее связывают общие природно-экономические условия, уровень себестоимости продукции и другие экономические показатели.

Совершенствование дифференциации закупочных цен в направлении углубления дифференциации их по зонам и разукрупнения ценовых зон усилит воздействие ценового механизма на развитие колхозного производства, повысит материальную заинтересованность в развитии производства колхозов, хозяйствующих в менее благоприятных природно-экономических условиях, обеспечит высокие темпы развития колхозам во всех зонах, позволит успешно выполнить задачи, поставленные перед сельским хозяйством XXII съездом КПСС.

Э. М. СЕРЛИН

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Вопросы развития союза рабочего класса и крестьянства всегда находились в центре внимания нашей ленинской партии. И в настоящее время КПСС исходит из того, что «дальнейшее укрепление **нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства** имеет решающее политическое и социально-экономическое значение для строительства коммунизма в СССР»[1]. За последние годы в нашей стране осуществлен ряд крупнейших, поистине революционных мер, еще более сцементировавших этот великий революционный союз, упрочивших его экономическую базу. Под руководством партии был совершен переход к новому этапу развития колхозного строя, к новому этапу экономических отношений между государством и колхозами.

Одна из задач работников общественных наук состоит в том, чтобы дать теоретическое обобщение этих мероприятий, показать как наша партия развивает дальше ленинские идеи о необходимости всемерного укрепления экономических основ союза рабочего класса и крестьянства. Но для решения этого вопроса должна быть, прежде всего, ясность относительно того, в чем выражается экономический союз рабочего класса и крестьянства, в чем сущность экономической смычки. Такая постановка вопроса имеет свое основание в особенности потому,

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза, Изд. «Правда», 1961 г., стр. 77.

что, к сожалению, в нашей литературе получили довольно широкое распространение некоторые трактовки, с которыми нельзя согласиться. Они затрудняют правильное понимание роли и задач нашего социалистического государства в укреплении экономического союза рабочих и крестьян.

Это касается, в частности, определения сущности производственной смычки между городом и деревней, данного в учебнике «Политическая экономия» (издание института экономики Академии наук СССР). В книге указывается, что «производственная смычка заключается в том, что крупная социалистическая индустрия вооружает сельское хозяйство машинами и другими средствами производства новой, совершенной техникой»[1]. Что можно сказать по поводу этого определения? Правильно, конечно, что материально-техническое оснащение колхозов характеризует производственную смычку. Поэтому осуществляемым нашей партией крупным мерам по дальнейшему укреплению материально-технической базы сельского хозяйства принадлежит исключительная роль в упрочении производственного союза города и деревни. Дальнейшее развитие деятельности социалистического государства в этом направлении, предусмотренное Программой КПСС, является одной из составных частей борьбы за построение материально-технической базы коммунизма, а вместе с тем и создания материальных предпосылок превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, стирания существенных различий между городом и деревней. Но как бы ни велика была роль социалистического государства в укреплении производственной смычки на основе усиления материально-технической помощи сельскому хозяйству, — этим задачи нашего государства в области производственных связей между городом и деревней далеко не исчерпываются.

В цитированном определении не учитывается, прежде всего, то, что рассматриваемая производственная смычка характеризуется отношениями собственности на средства производства. А между тем известно, что первым шагом к созданию прочного экономического союза рабочих и крестьян явилось решение Октябрьской рево-

[1] «Политическая экономия», Госполитиздат, 1962 г., стр. 379.

люцией вопроса о земле. Да и в любой стране этот вопрос является ключевым в борьбе за названный союз. В странах народной демократии, где за исключением МНР не была осуществлена национализация земли, вопрос о путях подвода крестьянства к единой, общенародной собственности на землю остается весьма актуальным и в настоящее время. Развитие отношений собственности на средства производства является одним из важных аспектов борьбы за дальнейшее укрепление производственной смычки города и деревни и в нашей стране на современном этапе в связи с необходимостью повышения кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной.

В приведенном выше определении смычки выпадает и такая важная сторона ее, как коллективизация сельского хозяйства, а в настоящее время дальнейшее развитие колхозного строя. Как известно, разрабатывая ленинскую политику кооперирования сельского хозяйства, наша партия исходила из того, что создание колхозов является одной из тех новых форм смычки, которые призваны были сыграть огромную роль в строительстве социализма. Партия боролась тогда с правым уклоном, который выступал против этой и других новых форм смычки. Развитие колхозного строя выступает как одна из форм производственного союза рабочих и крестьян прежде всего потому, что с созданием колхозов промышленность и сельское хозяйство были сомкнуты в единой социалистической системе хозяйства. В резолюции Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 23 апреля 1929 г. «По внутрипартийным делам» в этой связи отмечалось, что «смычка рабочего класса с основными массами крестьянства вошла в новую стадию и принимает новые формы все более и более приобретая производственный характер (совхозы, колхозы, машиноснабжение, контрактация и т. п.»[1]). В таких условиях еще более возросли задачи Коммунистической партии и Советского государства по руководству сельским хозяйством, по укреплению экономического союза рабочего класса и колхозного крестьянства.

С еще большей силой великая роль социалистическо-

---

[1] КПСС в резолюциях, изд. 7, ч. II, 1954 г. Госполитиздат, стр. 551.

го государства в дальнейшем упрочении производственной смычки между городом и деревней на основе совершенствования руководства сельскохозяйственным производством сказывается в настоящее время, в период развернутого строительства коммунизма. Глубокую марксистско-ленинскую разработку получил этот вопрос в решениях XXII съезда КПСС, в Программе партии, в постановлениях мартовского и ноябрьского Пленумов ЦК КПСС (1962 г.). Партийное руководство народным хозяйством, в том числе и руководство колхозами, перестроено по производственному принципу. Созданы колхозно-совхозные производственные управления. Они призваны решать и решают важные задачи планирования колхозного и совхозного производства, внедрения передовых достижений агрозоотехнической науки в практику сельского хозяйства, создания научно-обоснованной системы земледелия и т. д. Нет нужды вследствие очевидности вопроса подробно доказывать, что перестройка управления сельским хозяйством является одной из важных форм дальнейшего укрепления производственного союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Поэтому определение данного союза, из которого выпадает столь важная сторона деятельности социалистического государства, не может быть признано достаточно полным.

Серьезным недостатком упомянутого выше определения является также и то, что оно означает недооценку задач по повышению трудовой, творческой активности самого крестьянства для укрепления производственного союза города и деревни. Действительно, если такой союз сводится к материально-техническому вооружению сельского хозяйства со стороны социалистической индустрии, то смычке придается весьма односторонний характер. Задачи крестьянства по логике анализируемого определения сводятся лишь к тому, чтобы получать из города средства производства. Но в действительности укреплять производственный союз города и деревни значит не только развивать помощь крестьянству со стороны социалистического государства, рабочего класса (это, безусловно, важнейшая задача), но и поднимать творческую, трудовую активность самих колхозных масс, в том числе и их борьбу за лучшее использование техники и других материально-технических средств, направляемых в деревню социалистической промышленностью.

Коммунистическая партия и социалистическое государство выступают как вдохновители и организаторы социалистического соревнования в колхозной деревне (как и в городе), поднимают колхозные массы на борьбу за повышение производительности труда, внедрение режима экономии, улучшение снабжения города продовольствием, а промышленности сырьем. Разве это не является выражением производственного союза рабочих и крестьян?

Как видим, если исходить из данного в «Политической экономии» определения производственной смычки, можно придти к неправильным выводам относительно задач социалистического государства, наших кадров в укреплении производственного союза рабочего класса и колхозного крестьянства.

Следует отметить, что в литературе встречаются ошибочные, на наш взгляд, толкования не только производственного, но и в целом экономического союза города и деревни. Некоторые авторы сводят его лишь к обороту общественного продукта между государством и колхозами, т. е. к отношениям обмена. Например В. Морозов утверждает, будто «из ленинского анализа экономических связей между городом и деревней следует, что они осуществляются путем обмена средствами производства и предметами личного потребления»[1]. Однако понятие экономического союза между городом и деревней в действительности значительно шире, чем товарообмен между ними. Прежде всего, как отмечалось, такая смычка включает в себя производственный союз, который в свою очередь также далеко выходит за пределы сферы обмена. Кроме того, экономические связи между городом и деревней охватывают и отношения распределения. А эти отношения, как известно, не тождественны обмену. Теоретически мыслим идеальный эквивалентный товарообмен между городом и деревней наряду с неправильным распределением национального дохода между ними и, следовательно, неравными условиями жизни. Можно сослаться, к примеру, на налоговую политику. Ведь к тому же самому результату в распределении национального дохода между промышленностью и сельским хозяйством, между государством и колхозами, который

[1] «Политическое самообразование», 1960 г., № 4, стр. 78.

является, скажем, следствием низких заготовительных цен, можно придти и при эквивалентном обмене, используя соответствующим образом рычаги налогового обложения. Это значит, что для упрочения экономического союза между городом и деревней недостаточно не только того, чтобы организовать правильный товарообмен между ними, но даже и смычки в области производства. Ибо имеются еще и другие факторы, от которых зависит реальное распределение доходов, реальное удовлетворение интересов государства, рабочего класса, крестьянства.

Даже в том случае, когда национальный доход распределяется правильно между государством и колхозами, остается еще вопрос о распределении доходов в самих артелях. Достаточно отметить, что распределение остающейся в колхозах части их доходов является вопросом не местного, внутриколхозного значения, а составной частью проблемы сочетания интересов города и деревни. Взять, к примеру, фонд накопления в колхозах. Его размеры должны определяться и определяются с учетом не только групповых интересов самих колхозов, но и общенародных интересов. Могла ли бы быть прочной экономическая смычка между городом и деревней, если бы колхозы не проявляли должной заботы о развитии общественного хозяйства и о необходимых для этого отчислениях в фонд накопления? Общеизвестно, какое большое внимание уделяют партия и правительство вопросам накопления в колхозах, преодолевая проявляющиеся со стороны некоторой части колхозников потребительские тенденции. Жизнь показывает, что в разных колхозах, поставленных в одни и те же условия товарообмена, фактические доходы и их распределение могут значительно различаться.

Бесспорно и обмен является важнейшей составной частью экономических связей между городом и деревней. Однако нужно иметь в виду, что к определению его роли в развитии экономического союза рабочих и крестьян следует подходить исторически. Известно, какую важную роль развитию товарооборота придала наша партия в период новой экономической политики для укрепления экономической базы союза рабочего класса и крестьянства. В период НЭПа, когда национализация земли была уже проведена, а коллективизация сельского хозяйства как массовое движение еще не созрела, когда сельско-

хозяйственное производство опиралось главным образом на мелкую частную собственность, в такой обстановке областью, в которой смыкались два разнотипных уклада в экономике (социалистический и мелкотоварный), была в основном сфера обмена. В практически-политическом отношении к этому вопросу в основном сводились тогда задачи укрепления экономической смычки между городом и деревней. Вместе с тем, уже в первые годы Советской власти складывались, а затем и расширялись наряду с товарообменом также и другие формы экономической смычки. В настоящее время, в период развернутого строительства коммунизма, как указывается в Программе КПСС, товарообмен играет весьма важную роль. Нельзя недооценивать эту истину. Но нельзя ее также и преувеличивать, сводя экономические связи между городом и деревней только к отношениям обмена.

Подводя итог сказанному крайне важно подчеркнуть, что по мере успехов социалистического строительства и в особенности в связи с переходом к развернутому строительству коммунизма все более углубляется и расширяется сфера производственной и в целом экономической смычки между городом и деревней. В настоящее время экономическая смычка между городом и деревней развивается и по линии совершенствования, сближения двух форм социалистической собственности и по линии обеспечения правильных пропорций между промышленностью и сельским хозяйством, и по линии развертывания товарообмена, и по линии организационно-хозяйственного укрепления колхозов, и по линии последовательного осуществления социалистического принципа распределения по труду. Словом, экономический союз рабочих и крестьян охватывает отношения производства, распределения и обмена между городом и деревней.

Такое понимание сущности экономической и, в частности, производственной смычки между городом и деревней имеет большое практическое значение. Допускаемое некоторыми авторами сужение той области экономических отношений, на которую распространяется указанная смычка дает неправильную ориентировку практическим работникам, толкает к одностороннему подходу в вопросах экономического союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Правильное же понимание сущности названной смычки способствует выяснению воз-

растающей роли социалистического государства в укреплении экономического союза рабочих и крестьян на современном этапе развернутого строительства коммунизма, ориентирует на необходимость сочетания помощи города деревне с развитием творческой активности самих колхозных масс и в области производства, и в области распределения, и в области обмена.

В. П. КАСАТКИН

ПЕРЕВОД «КАПИТАЛА» МАРКСА (т. 1) В НОВОЙ РЕДАКЦИИ

Первая книга «Капитала» является, как говорил Энгельс, «в значительной мере... законченным целым и в течение двадцати лет занимала место самостоятельного произведения»[1]. Такую же самостоятельную роль исполняла она многие годы и в русском революционном движении: из биографии Ленина нам известно, что он в 90-х гг. широко популяризировал в Петербургских рабочих кружках первый том «Капитала».

Россия была первой страной, в которой появился перевод с немецкого языка гениального творения Маркса. Это было весной 1872 г., и, по оценке самого Маркса, русский перевод оказался прекрасным. Во Франции перевод 1 тома «Капитала» был завершен тремя годами позже, а в Англии лишь в 1886 г. А в 1907—1909 гг. большевик, ученый-марксист И. И. Скворцов вместе с группой авторов осуществил новый перевод на русский язык всех трех томов «Капитала». Именно этот перевод, который Ленин считал лучшим из имевшихся, лежит в основе всех изданий великого творения Маркса, выходящих в Советском Союзе. И во втором издании сочинений Маркса—Энгельса первый том «Капитала» выпущен в 1960 г. также на основе перевода под редакцией И. И. Скворцова, причем в него «внесено значительное количество уточнений и поправок»[2]. Краткий анализ этой большой и кропотливой работы, произведенной

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. II, т. 23, стр. 33.
[2] Там же, стр. 5.

в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС над первым вариантом (так ради краткости условимся называть перевод под редакцией И. И. Скворцова-Степанова), и дается в этой статье. Цитаты из первого варианта повсюду приводятся по изданию «Капитала» 1950 года (Госполитиздат), из немецкого текста — по изданию 1932 г. (Москва, Изд-во «Иностранный рабочий в СССР»).

I

При самом квалифицированном переводе большого высокоидейного произведения неизбежны некоторые потери смыслового и стилистического характера, даже если сам автор контролирует этот перевод, как Маркс свой «Капитал» для первого французского издания. И неслучайно Энгельс, подготавливая английское издание «Капитала», писал, что «в большинстве трудных мест французский текст тоже служил для нас указанием того, чем готов был пожертвовать сам автор, когда при переводе что-нибудь из полного значения оригинального текста должно было быть принесено в жертву»[1]. Убежденный и страстный марксист И. И. Скворцов сделал перевод «Капитала» важнейшим делом своей жизни, неутомимо стремился усовершенствовать его. И выполнил он свою задачу талантливо, проявляя большую изобретательность при передаче трудных мест и оборотов, добился ясности и доступности изложения и к тому же с малыми смысловыми потерями. Тем не менее в новой редакции этот талантливый перевод значительно усовершенствован, исправлен, причем исправления начинаются буквально с первого слова знаменитого первого предисловия к «Капиталу», написанного самим Марксом, и ведутся на всем протяжении большой книги.

Предисловие открывается словами:

Первый вариант: «Произведение, первый том которого я предлагаю публике, составляет продолжение работы, выпущенной мной в 1859 г.».

В новой редакции: «Труд, первый том которого я предлагаю вниманию публики, составляет продолжение опубликованного в 1859 г. моего сочинения».

В сочетании: «Произведение... продолжение работы...»

[1] Соч., изд. II, т. 23, стр. 31.

несколько ослаблено значение, величина первого компонента. В новой редакции для многозначного немецкого слова «das Werk» избран эквивалентом — «труд». А в результате в сочетании: «труд... продолжение сочинения» восстановлена истинная пропорция между компонентами, подчеркнута огромная весомость «Капитала», «труда» в полном смысле этого слова, которому до известной мере противопоставляется как начало, как эскиз более ранняя работа, определенная словом «die Schrift», — или точным русским эквивалентом — «сочинение». Этот труд вместил в себя и предыдущий, но уже в более сжатой, четкой форме, что и подтверждают дальнейшие слова Маркса:

«Содержание более раннего сочинения резюмировано в первой главе этого тома... Само изложение улучшено».

В самом конце I тома «Капитала» имелось выражение — «запретительная (? В. К.) для наемного рабочего цена». К данному высказыванию оно не подходило, переводчик попросту оказался в плену единственного словарного значения слова — «prohibitorisch» — «запретительный», в смысле ввоза или вывоза какого-либо товара. А Маркс вложил в него совсем иной смысл, восходящий к основному значению латинского глагола — «prohibere» — «мешая удерживать», «препятствовать». И на основе этого значения в новой редакции был создан новый (контекстуальный) эквивалент слову «prohibitorisch» — «недоступный». Легко установить, что такой эквивалент входит в контекст с предельной точностью и делает вполне ясным смысл целого суждения. (См. т. 23, II изд., стр. 782).

Таких примеров взыскательно-строгой правки первого варианта много в новой редакции первого тома «Капитала», и это характеризует ее как подлинно творческую работу, обогащающую читателя великого произведения.

Попытаемся теперь уточнить характер, основную направленность внесенных смысловых уточнений. Применяя к новому качеству количественный критерий, можно сказать: уточнен, конкретизирован смысл очень большого числа отдельных понятий, терминов, выражений, особенно в сфере производства. На втором месте — опять-таки по численности — устранение явных ошибок или неточ-

ной передачи целых высказываний. Такое соотношение между числом выправленных понятий и целых высказываний косвенно характеризует качество первого варианта перевода (под редакцией Скворцова-Степанова), который, как известно, был высоко оценен Лениным. Скворцов проявил большую зоркость и интуицию при рассмотрении и передаче мысли Маркса, но порой чересчур импровизационно подходил к отбору лексического материала. Кроме этой чисто субъективной причины и того, что Скворцов работал урывками, постоянно отвлекаясь по неотложным партийным поручениям (1907—1909 гг.), была еще важная объективная помеха для точного перевода «Капитала» в те годы: социально-экономическая, производственная отсталость царской России, и, как следствие этого, неразработанность производственной терминологии. В описании ряда производственных процессов в первом варианте часто встречаются сугубо бытовые, нередко даже для неспециалиста странно (а порой и забавно!) звучащие выражения. В новой редакции перевода случайности в отборе производственной лексики устранены, и тем самым, так сказать, «технический уровень» русского издания «Капитала» впервые приведен в соответствие с оригиналом. Понятно, что большинство терминологических уточнений или исправлений относится к промышленности, значительно реже к сельскому хозяйству. Вот некоторые примеры замены слов бытовых производственными выражениями:

Первый вариант:	**Новая редакция:**
«Уголь, которым отапливается (! ВК) машина»... (стр. 210).	Уголь, который сжигают в топке машины... (стр. 214).
«достоинство... плавильных горшков (стр. 355).	«качество... плавильных тиглей» (стр. 360).
«починочные работы (стр. 211).	«ремонтные работы (стр. 216).
«горы отбросов железа (стр. 212).	«горы отходов железа (стр. 216).

Описательное и притом неверное выражение — «процессы, совершающиеся при раскаленной (?!В.К.) температуре» (стр. 265) заменено общеизвестным: «самые горячие процессы» (стр. 270, примечание).

В первом варианте часты случаи дословной передачи терминов. Там, где подобная дословность затемняла смысл высказывания, в новой редакции найдены новые эквиваленты, которые более точно выявляют функцию орудия труда или сущность производственного процесса. Так, например, «Stossinstrumente» было переведено как «толкающие инструменты», вновь — «долбежные инструменты»; «подъемная машина для воды» — «машина для откачки воды».

В ряде случаев отход от дословности сопровождался необходимой модернизацией термина: «самодействующий механизм» — «автоматический механизм», «фабрикация» — «производство». Английское «feeders», объясненное как «подкладывальщик материала в машину», заменено ходовым выражением — «подавальщик в машину».

Модернизация терминологии охватывает не только промышленность, но и многие другие отрасли человеческой деятельности:

Сельское хозяйство: «земледельческие рабочие» — «сельскохозяйственные рабочие»; «Düngemittel» — «удобрительное вещество» — «удобрение»; «сбор шерсти» — «на́стриг шерсти».

Ремесла: «модные мастерские» — «мастерские дамского платья».

Торговля: «вывозная торговля» — «экспортная торговля»; «крупная торговля» — «оптовая торговля».

Медицина: «Mundsperre» — «судорожное сжатие челюстей» и «спазма жевательных мышц».

Приведенные немногие примеры (а их можно привести значительно больше) из разных областей, думается, убедительно доказывают, что произведенная «терминологическая» правка текста, удаление ряда бытовых выражений, отнюдь не осложнили восприятие его читателем. Все введенные термины, выражения широко известны, доходчивы, понятны.

Значительна работа, проведенная редакцией по уточнению и унификации терминов, относящихся непосредственно к материалу исследования — политэкономии. Известно, что Маркс был (и не мог не быть!) подлинным новатором и в этой сфере: он создал и ввел в обиход ряд понятий и терминов, отсутствовавших в буржуазной политэкономии. И тем труднее было русским переводчи-

кам, которым, что называется, приходилось поднимать филологическую целину, чтобы донести до русского читателя все богатство мысли Маркса, причем политико-экономическая терминология «Капитала» была раскрыта с достаточной точностью и доступностью. Тем не менее новой редакции пришлось, в первую очередь, выравнивать переводческое поле катком унификации. Укажем лишь на некоторые, наиболее существенные, на наш взгляд, примеры.

Словарное значение слова «vergegenständlichen» — «представлять наглядно», «овеществлять». Скворцов ввел свое значение, сближающееся с первым словарным: «запечатлеть в предмете». В результате афористично-чеканное высказывание Маркса:

«Die Arbeit hat sich mit ihrem Gegenstand verbunden. Sie ist vergegenständlicht und der Gegenstand ist verarbeitet» (5. Kapitel, Seite 189). в первом варианте переведено:

«Труд соединился с предметом труда. Труд запечатлен в предмете, а предмет обработан» (стр. 187—188).

В новой редакции это предложение дано так: «Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан» (стр. 192). Поправка на первый взгляд невелика, но очень важна. Ведь выражение «запечатлен в предмете» грешит двойственностью: его можно прежде всего воспринять как нечто идеальное, как зрительно-ощутимый образ; наоборот, глагол — «овеществить» сразу концентрирует внимание на материальном, вещественном, осязаемом.

В следующем предложении этого же абзаца предстояло передать дословное непереводимое противопоставление: Unruhe (беспокойство, волнение) — ruhende Eigenschaft (покоящееся свойство). В первом варианте слову Unruhe подыскан чересчур абстрактный эквивалент — «движение», в новой редакции более конкретно характеризующий труд человека — «деятельность»: «То, что на стороне рабочего появилось в форме деятельности (Unruhe) теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства (ruhende Eigenschaft), в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа». (стр. 192).

Важность отмеченных смысловых поправок особенно следует подчеркнуть с методической точки зрения: ведь рассматриваемый здесь Марксом процесс труда дан с та-

кой предельной ясностью и сжатостью, что этот абзац часто цитируется в учебных пособиях и лекциях.

Если в передаче производственных терминов в первом варианте встречались погрешности, вызванные дословностью, то при передаче понятий из области политэкономии проявилась и прямо противоположная тенденция: чрезмерная боязнь дословности, стремление уйти от нее, особенно при переводе сложных слов, вместивших в себя понятия, производные от понятия «стоимость». И здесь налицо два уклона: описательность, следовательно, рыхлая передача сложного понятия или чрезмерное редуцирование, упрощение его. Так, термин «Wertgegenständlichkeit» фигурирует в двоякой форме: «стоимость» и «предметная реальность стоимости»; «Wertding» — «вещь, воплощающая стоимость; Wertkörper» — «плоть стоимости» или «воплощение стоимости»; «Wertgrössen» — «величины стоимости»; «Gebrauchsgegenständlichkeit» передано явно ошибочно как «потребительная стоимость». В новой редакции простым приемом — дословностью, — оказавшейся своего рода «колумбовым яйцом», удалось добиться адекватной передачи этих сложных понятий. При этом применение для первого компонента — «Wert» — в сложных словах единого определения «стоимостный» выявило смысловое родство этих слов, показало, что они выражают близкие понятия. И получилось:

«Wertgegenständlichkeit» — «стоимостная предметность».

«Wertkörper» — «стоимостная плоть (и «стоимостное тело»).

«Wertding» — «стоимостная вещь».

«Wertgrössen» — «стоимостные величины».

«Gebrauchsgegenständlichkeit» — «потребительная предметность».

«Das Kapitalverhältnis» — «капиталистические отношения» (вместо: «капитал, как общественное отношение»).

В результате такой унификации стоимостных выражений чеканно и очень точно зазвучало, например, глубокое и важное для понимания тайны товарного фетишизма высказывание Маркса о «расщеплении продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь» (вместо: «вещь, воплощающую стоимость»), о том, что «лишь

в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую стоимостную предметность, обособленную от их чувственно различных потребительных предметностей». (Глава 1, стр. 83). Можно выразить лишь сожаление по поводу того, что новая редакция допустила двойственную трактовку слова «Wertkörper»: архаическую — «стоимостная плоть» и современную — «стоимостное тело». Вполне можно было ограничиться применением второй, современной и общедоступной формы, и этим был бы устранен тот разнобой в терминологии, разнобой, с которым редакция настойчиво и последовательно ведет борьбу.

В области лексики широкого обихода, т. е. неспециализированной, можно отметить ряд смысловых уточнений, которые обусловлены более правильным использованием иностранных слов и архаизмов. В отношении первых позиция Скворцова И. И. высказана им с предельной точностью в предисловии к переработанному изданию «Капитала» 1920 г.: «Интернационализация научного языка — совершенно естественное, необходимое и положительное явление». И далее: «...прямо курьезное впечатление производил бы русский переводчик, который вздумал бы обойтись без таких слов, как капитал, рента, процент, политика, экономия и т. д.». Установка на разумное использование «обрусевших» иностранных слов и осуществлена Скворцовым при переводе «Капитала», и новой редакции лишь изредка приходилось править первый вариант, как, например, в уже указанных торговых терминах — «крупная торговля» и «вывозная торговля», необходимо замененных более употребительными иностранными: «оптовая торговля» и «экспортная торговля». Всего в двух случаях пришлось отказаться от иностранных слов, которые явно затрудняли восприятие высказываний. Галлицизм «производить анкету» по вполне понятным соображениям заменен выражением «производить обследование», вместо дословного — «потенцированный труд» (potenzierte Arbeit) — введен общепонятный описательный оборот — «труд повышенной эффективности» (стр. 417).

Также количественно невелики и исправления, связанные с архаизмами. Так, в ироническом пересказе Марксом слов попа Чалмерса о трудах попов церковнокнижное выражение «в вертограде господнем» заменено

«в винограднике господнем», от чего нисколько не пострадал общий смысл и эмоциональная окраска высказывания. Полной адекватности при передаче емкого слова «Raubmord» («убийство с целью грабежа») Скворцов достиг, введя древнеславянский правовой оборот — «отдать на поток и разграбление»; в новом варианте непонятное без комментариев слово «поток» устранено. В области трудовых отношений устаревшее «дать расчет» заменено словом «увольнять». Слова «наем» и «аренда» почти равноправны, и оба отнюдь не архаичны, но первое явно шире по содержанию, поскольку относится и к одушевленным предметам, например: «наем рабочих». Вот почему представляется удачной замена выражения «наем фабричного здания» на «аренду фабричного здания» в новой редакции (стр. 230—231).

В новой редакции внесен также ряд исправлений, уточняющих целые высказывания. Они чаще всего достигаются за счет отбора правильных лексических эквивалентов, помогают более отчетливо воспринять глубокую мысль Маркса, нередко устраняют ошибочную формулировку ряда важных теоретических положений.

Рассмотрим некоторые из этих поправок.

В разделе «Товарный фетишизм и его тайна» недостаточно четко и точно было переведено начало того высказывания, где Маркс устанавливает обусловленность формы религии общественными производственными отношениями. В новой редакции это предложение читается:

«Для общества товаропроизводителей, **всеобщее** общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к своим продуктам труда как к товарам, следовательно как к стоимостям, и в этой вещной форме частные **их** работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд...» (стр. 89). В подчеркнутых нами словах, в определениях «всеобщее» и «их», в основном и сосредоточена важная смысловая правка. Что же нового внесли они? Во-первых, самый характерный признак общества товаропроизводителей (отношение производителей к своим продуктам труда как к товарам) был выявлен, так сказать, «масштабно», в полной мере. Он стал, как и говорится в оригинале, всеобъемлющим, «всеобщим», тогда как в первом варианте это был лишь «характерный», т. е. типичный, часто встречающийся признак. Большую

смысловую нагрузку несет и опущенное в первом варианте притяжательное местоимение «их»: оно восстановило разорванную логическую связь между понятиями «товаропроизводители» и «частные работы», тогда как ранее эти «работы» воспринимались читателем как нечто самодовлеющее. Только на основе новой редакции может быть полностью развернуто такое потенциальное суждение: частные работы — это есть работы отдельных товаропроизводителей, и в форме товаров все эти работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд.

В издании «Капитала» 1950 г. было неудачно сформулировано (исправлено!) начало характеристики производственного механизма:

Оригинал:	**Первый вариант:**	**Новая редакция:**
Alle entwickelte Maschinerie besteht aus drei wesentlich verschiednen Teilen... (K., S. 389).	Всякая развитая совокупность (?! ВК) машин (entwickelte Maschinerie) состоит из трех существенно различных частей... (стр. 378).	Всякое развитое машинное устройство состоит из трех существенно различных частей... (Соч., т. 23, стр. 384).

Из сопоставления видно, что в новой редакции устранено представление о каком-то множестве, «совокупности» машин, однако, на наш взгляд, не следовало вводить весьма неконкретное словосочетание «машинное устройство» для передачи слова «Maschinerie». Лучше было бы вернуться к более раннему варианту: «Всякая (вполне) развитая машина состоит из трех существенно различных частей»; («Капитал», изд. 1931 г., стр. 312).

В первом варианте нередки случаи, когда вследствие использования наиболее ходового (словарного) значения того или иного слова притуплялась социальная острота высказывания. Так, по поводу нового закона о бедных сказано, что он «покровительствует (?) переселению сельскохозяйственных рабочих в фабричные округа»; но суть в том, что он «усиливает переселение», (Нов. 465). Основное значение глагола «verarbeiten» — «обрабатывать, перерабатывать». И на базе этого значения в переводе появилась курьезная фраза: «мини-

мальный возраст подлежащих фабричной обработке детей» (стр. 288); в новой редакции хотя и не очень удачно по форме, но по смыслу в соответствии с оригиналом: «минимальный возраст подлежащих эксплоатации детей». И, пожалуй, одним из наиболее характерных примеров недоучета переводчиком социального значения слова является фраза, в которой слово «die Negerzucht» переведено как «воспитание негров». В действительности же речь идет о доходной статье рабовладельческих штатов — работорговле, ради которой и осуществляется «размножение негров» (Нов. 454). Поправка восстановила жестокую социальную правду: «воспитатели» негров стали теми, кем они и были: бездушными стяжателями, разводившими людей как животных на продажу.

В отдельных случаях выбор более правильного значения слова сочетался с расширением лексического состава предложения, если имело место неоправданное (в ущерб смыслу!) сокращение его. Так, характеризуя мануфактуру, Маркс говорит, что различные ремесленники объединены в одной мастерской, «wo sie einander gleichzeitig in die Hand arbeiten». В первом варианте эта концовка передается словами: «где они совместно совершают свою работу». Эта лаконичная трактовка по сути неверна, так как она обеднила Марксову характеристику мануфактуры: в ней выхолощены важнейшие признаки работы: 1) синхронность, одновременность действий, 2) взаимодействие рабочих. А признак, указанный выше (объединение в одном месте), подчеркнут вторично словом «совместно». У Маркса же признак взаимодействия выражен фразеологическим оборотом (помогать друг другу), а синхронность действий выявлялась словом «одновременно», которое было опущено в первом варианте. И в новой редакции восстановлена со всей полнотой глубокая Марксова характеристика мануфактуры как мастерской, где различные ремесленники «...работают одновременно и во взаимодействии друг с другом». (Гл. XII, стр. 348). Аналогичное по смыслу уточнение относится к определению кооперации, которое в новой редакции читается: «Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией (стр. 337). Преиму-

щества этой формулировки, по сравнению с прежней, в том, что она — как это и есть в оригинале — четко выявляет характерные признаки кооперированного труда: 1) взаимодействие рабочих в процессе труда, 2) их непосредственно трудовую функцию: они именно работают, а не как-то «участвуют» в процессе труда.

Никто не заподозрит в телеологии И. И. Скворцова, воинствующего атеиста, непримиримого врага всякой поповщины. Однако трудности перевода сыграли над ним злую шутку, которая так и осталась незамеченной: из-под его строгой редакторской руки вышла фраза, имеющая явно телеологический привкус: «Как небесные тела, раз **они приведены в известное движение,** постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз **оно брошено** в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его»[1]. (Подчеркнуто дважды мной. — **В. К.).** Переводчику предстоял нелегкий выбор синонимов для перевода двух немецких глаголов — «schleudern» — бросать, швырять, кидать, метать, и «werfen» — бросать, кидать, метать. Хотя эти глаголы и переходные, но в немецком тексте они употреблены не как объектные, не столько выражают действие, направленное, переходящее на предмет, сколько его более или менее устойчивый признак, т. е. сближаются с непереходными. Вот этот-то синтаксический сдвиг не был учтен в первом варианте, и переводчик избрал в качестве эквивалента глагола «schleudern» словосочетание «приводить в движение», употребив глагол в страдательном залоге: «...раз они (небесные тела. — **В. К.**) приведены в движение».

Но если семантика исходного словосочетания «приводить в движение» уже предполагает наличие активного деятеля (кто-то, что-то приводит в движение), то форма страдательного залога усиливает это значение наличия внешней активной силы, хотя бы и не названной, как в рассматриваемом предложении. И потому невольно напрашивается вопрос: — Кем же они (небесные тела) приведены в движение? Всесильным боженькой?

В новой редакции удалось устранить завуалированный телеологический смысл фразы применением в соот-

---

[1] «Капитал», изд. 1950 г. т. I, стр. 639.

ветствии с тенденцией оригинала — непереходного (субъектного) словосочетания — «начать движение»:

«Как небесные тела, однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, постоянно повторяет это движение» (Гл. XXIII, стр. 647—648).

Обнаружение и устранение такого скрытого, трудно обнаружимого дефекта перевода свидетельствует о большой вдумчивости и методично-строгой, аналитической последовательности в работе новой редакции.

Не соответствующий мысли Маркса оттенок был ранее внесен в перевод следующего важного положения:

Оригинал:	**Первый вариант:**
«Die Grundlage aller entwickelten und durch Warenaustausch vermittelten Teilung der Arbeit ist die Scheidung von Stadt und Land». (S. 369).	Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем обмена товаров, является отделение города от деревни» (стр. 360).

Перевод очень точно доносит до читателя следующее утверждение, которое мы повторим в сокращенном виде, намеренно сохраняя синтаксис оригинала: основа развитого разделения труда есть отделение города от деревни. Но избрав эквивалентом определения «vermittelte» (от глагола «vermitteln» — посредничать, способствовать, передавать) слово «осуществляющийся», да к тому же выделив его, переводчик определил иначе, чем Маркс, роль товарообмена в разделении труда. У Маркса товарообмен это то, что способствует разделению труда, его характерный признак, в переводе же товарообмен оказывался исходным, решающим фактором разделения труда. В новой редакции ненужный оттенок устранен, причем, не в ущерб стилистическим требованиям, сохранена структура немецкого предложения: «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни» (Соч., том 23, стр. 365).

Социальное значение слова в историческом аспекте последовательно и вдумчиво учтено новой редакцией при употреблении понятий «рабочий» и «работник» в заключительном разделе XXIV главы. Как известно, в немецком языке оба эти понятия передаются одним словом «der Arbeiter», и в первом варианте не во всех случаях дифференцируются. Вот характерные примеры:

Оригинал:	**Первый вариант:**	**Новая редакция:**
«Je nachdem aber diese Privatleute die Arbeiter oder die Nichtarbeiter, sind, hat auch das Privateigentum einen andern Charakter. (S. 801).	«И в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности (стр. 765).	«Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется и характер самой частной собственности» (стр. 771).
«Was jetzt zu exproprlieren, ist nicht länger der selbst — wirtschaftende Arbeiter, sondern der viele Arbeiter exploitierende Kapitalist» (S. 803).	Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих» (стр. 766).	«Теперь экспрориации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, и капиталист, эксплуатирующий многих рабочих» (стр. 772).

В первом примере употребление слов «работник» и «неработник» в новой редакции способствовало лучшему противопоставлению р а б о т а ю щ е г о и н е р а б о т а ю щ е г о и, может быть, еще четче прозвучало бы это противопоставление, если перевести: «Но в зависимости от того, работают ли эти частные лица или не работают... Во втором случае («работник» — «рабочий») также выигрывает, усиливается противопоставление: самостоятельный труженик (владелец орудий, мелкий производитель) пройденного исторического этапа и современный рабочий капиталистического предприятия.

Не вдаваясь в анализ, назовем еще некоторые существенные исправления, преимущественно лексического характера, которые освободили суждения Маркса от

привнесенных значений, не соответствующих общему смыслу того или иного высказывания.

Так, в конце 1 главы говорилось, что фетишистский характер формы товара «...легко преодолеть». Явно ошибочное «преодолеть» вывело данное предложение из смыслового контекста данного абзаца. И оно поставлено на место новой правильной формулировкой: «...то кажется, что ее фетишистский характер можно еще сравнительно легко разглядеть» (стр. 92).

По-иному выглядит определение такого важного понятия, как обращение товаров: «Обращение есть сумма всех меновых отношений товаровладельцев» (стр. 176) вместо прежнего, расплывчато-неточного: «Обращение есть сумма всех товарных отношений товаровладельцев».

Путем устранения грубо-дословного выражения в разделе «Процесс труда» (Глава V) значительно улучшено определение средств труда. Это — «орудия воздействия на другие вещи» (стр. 190), а не «орудия его (человека.— **В. К.**) власти». И еще там же: «собирание плодов» взамен неуместного: «захват плодов».

При том исключительном богатстве и разнообразии фактического материала, которыми отличается 1 том «Капитала», очень трудно было избежать отдельных неточностей и даже ошибок. И сам Маркс указывал еще в 1873 г. на то, «что некоторые части немецкого оригинала местами требуют основательной переработки, местами правки в стилистическом отношении или тщательного устранения случайных недосмотров»[1]. Огромная загруженность Маркса неотложными работами помешала ему выполнить такую правку «Капитала». Она была осуществлена лишь при подготовке 4-го немецкого издания (1890 г.) Энгельсом, стремившимся «...установить по возможности окончательную редакцию как самого текста, так и примечаний»[2] путем сопоставления с рукописными пометками Маркса, а также с текстом французского авторизованного перевода и с текстом английского издания, для которого дочь Маркса Элеонора выверила все многочисленные английские цитаты.

Именно это лучшее немецкое издание «Капитала» использовал в своей большой работе Институт марксизма-

---

[1] Соч., т. 23, стр. 13.
[2] Там же, стр. 35.

ленинизма, подготавливая 23 том сочинений Маркса-Энгельса. Кроме того, оригинал вновь был сопоставлен с французским и английским текстами «Капитала». Такой метод сопоставления помог обнаружить в оригинале несколько искажающих смысл ошибок и внести в русский текст соответствующие исправления. Весьма существенны, например, три поправки, внесенные в главу XXIII — «Всеобщий закон капиталистического накопления» (см. стр. 634, 644, 659). Особенно важно и в семантическом и в методическом отношении — устранение ошибки и уточнение формулировки абсолютного, всеобщего закона капиталистического накопления:

Оригинал:	**Первый вариант:**	**Новая редакция:**
Je grösser aber diese Reservearmee im Verhältnis zur aktiven Arbeiterarmee, desto massenhafter **die konsolidierte** Uebervölkerung, deren Elend im umgekehrten. Verhältnis zu ihrer Arbeitsqual steht. («Das Kapital», 1932, S. 679).	Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда (стр. 650).	Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии» (стр. 659).

Авторизованный французский текст помог выявить ошибку в немецком: вместо выражения «im direkten Verhältnis» («прямо пропорционально») в нем стояло — «im umgekehrten Verhältnis» («обратно пропорционально»). К этой ошибке, идущей от оригинала, в первом варианте перевода присоединилось неверное истолкование концовки фразы. Руководствуясь наиболее частой грамматической нормой, переводчик отнес местоимение с предлогом «zu ihrer» к ближнему существительному — «die Uebervölkerung» («перенаселение»), не заметив, что от этого в переводе нарушилась логика высказывания: получилось, что «муки труда» испытывают те, кто фак-

тически лишен возможности трудиться, представители резервной армии труда. Логика требует отнести местоимение «ihr» к более отдаленному предшествующему существительному — «die Arbeiterarmee», что и учтено в новой редакции, причем для того, чтобы стало вполне ясным конкретное значение местоимения, оно заменено в русском тексте соответствующим существительным — «активная рабочая армия».

Теперь вполне отчетливо выражена на русском языке глубокая диалектическая мысль Маркса о том, что между «муками труда» занятых рабочих, т. е. степенью эксплуатации их, и нищетой огромной резервной армии труда имеется прямая, непосредственная связь, закономерная для капиталистического общества.

Не менее существенны, хотя и не столь многочисленны уточнения высказываний, которые обусловлены преимущественно учетом принципов синтаксической логики. Так, одной из характерных особенностей немецкого языка, в отличие от русского, является совпадение форм подлежащего и предикатива (именительный падеж существительного)[1]. Недоучет этого явления и нарушение синтаксической логики может привести к значительным смысловым сдвигам, исказить мысль автора. Именно это произошло в том месте IV главы «Капитала», где Маркс рассматривает вопрос стоимости рабочей силы. Здесь из-за произвольного изменения порядка слов (предикатив стал подлежащим) и неточного отбора их неверно изложено второе суждение в следующем отрывке.

Первый вариант: «Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Существование последнего есть поэтому предпосылка ее сохранения» (стр. 177). В оригинале второе предложение читается: «Ihre Produktion setzt also seine Existenz voraus», что очень точно переведено в новой редакции: «Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего» (стр. 181). Итак, восстановленный подлинный смысл суждения заключается в том, что речь идет не о каком-то «сохранении», а о «производстве» рабочей силы, и это производство стоит в центре внимания, логически завершая определительную связь,

[1] См. у К. Г. Крушельницкой. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков, 1961, стр. 28—31.

данную в предыдущем предложении: «Рабочая сила... способность...» Кроме того, благодаря тому, что в умозаключении употреблено специализированное вводное слово «следовательно» (его семантика всегда — итог, заключение) вместо союза «поэтому», установлена более четкая следственная связь данного умозаключения с предыдущим высказыванием.

В плане переводческой работы разбираемый случай весьма поучителен. Он говорит, что в практике перевода произведений научных, в частности, из области общественных дисциплин, требуется особая тщательность и внимание к формулировке предложений, в которых субъектно-предикатные связи не находят отражения во флексиях, а выражены лишь порядком слов.

В плане философском серьезно поправлен перевод того абзаца, где формулируется закон отрицания отрицания. Показательно, что в работах, посвященных этому вопросу, вплоть до недавнего времени безоговорочно цитировалась концовка XXIV главы «Капитала», гласившая: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим (кем? — **В. К.**) с необходимостью естественно-исторического процесса. Это отрицание отрицания»[1].

В этом высказывании неверно переведено второе суждение, которое является одним из устоев важнейшего социально-философского вывода: «Это отрицание отрицания». В чем же дело?» Пример заслуживает рассмотрения.

Во-первых, вследствие применения обычного в переводческой практике и зачастую вполне оправданного приема — изменения залога глагола — преобразилась вся структура очень простого и ясного немецкого предложения: «Aber die kapitalistische Produktion erzeugt mit der Notwendigkeit eines Naturprozesses ihre eigne Negation». Итак, в оригинале глагол применен в действительном залоге, и строй предложения соответствует — в плане психологическом — наиболее обычной последователь-

[1] **М. Ф. Воробьев. «Закон отрицания отрицания», 1958, стр. 37.**

ности: на первом месте субъект, производитель действия («капиталистическое производство»), за ним следует предикат (глагол — «порождает») и затем объект в форме прямого дополнения («свое собственное отрицание»). При переводе глагол был введен в форме страдательного залога («производится»), а субъект утратил свое исходное положение — в начале предложения — и, заняв место объекта, стал косвенным дополнением, выраженным творительным падежом местоимения («им самим»). К чему привел такой, как будто вполне допустимый морфолого-синтаксический сдвиг, не меняющий смысла отдельно взятого суждения? От смещения субъекта, производителя действия, на крайнее место пострадала связь данного суждения с предыдущим: ослаблению этой связи способствовал и неудачный лексический выбор: местоимение («им самим») здесь оказалось недостаточно однозначным, из контекста нельзя вполне определенно установить, какое существительное оно заменяет. А немотивированное устранение в переводе союза «но» («aber») оборвало, так сказать, последнюю, подлинную противительную связь суждения с предшествующим. Более того: выдвижение на первое место объекта без всякого оттенка противопоставления имитирует мнимую, несуществующую связь. Выражение «отрицание капиталистического производства»... может восприниматься как подтверждение, развитие вышестоящего положения («...первое отрицание индивидуальной собственности»), т. е. привести к явной путанице.

В результате такой изоляции, обособленности второго суждения, получились две в сущности не связанные посылки, из которых логически нельзя вывести конечное заключение: «Это отрицание отрицания». И если мы все же правильно, во всей полноте воспринимаем такое заключение, то отнюдь не как вывод, опосредствованный двумя предшествующими суждениями. Нас подводит к этому выводу более широкий контекст: вывод дан в иной форме и в предыдущем абзаце («экспроприаторов экспроприируют») и особенно в чеканном завершающем суждении XXIV главы: «Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов» (стр. 773, II изд.).

В новой редакции перевода возврат к синтаксической

конструкции оригинала, точная дословная и даже пословная (!) передача его, обеспечили полную ясность формулировки второго отрицания:

«Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание». (стр. 773).

Из всего сказанного, думается, вытекает следующий вывод, имеющий особенное значение в практике перевода научных, общественно-политических произведений. При возможной, иногда напрашивающейся замене залоговых конструкций нельзя руководствоваться лишь тем соображением, что эта замена не изменит смысла данного предложения. Следует внимательно посмотреть, не отразится ли неизбежная структурная перестройка на связи этого предложения с предшествующими суждениями, не нарушит ли подобная перестройка стройности логической структуры цельного высказывания.

Показателен такой чисто синтаксический сдвиг: в главе III на странице 152 в новой редакции введено — в полном соответствии с оригиналом — условное предложение, предшествующее главному: «С другой стороны, если натуральная форма земельной ренты, — ...покоится на производственных отношениях..., то путем обратного воздействия такая форма»...

Спрашивается: что это дает? Это приводит к изменению смыслового акцента, позволяя воспринять причинно-следственное отношение (натуральная форма земельной ренты способствует сохранению старых производственных форм) как широкую, общую закономерность.

И наоборот. В первом варианте вследствие того, что на первое место был выдвинут локально-ограничивающий момент: «В Азии, — где... эта форма платежей» ..,— получалось сужение сферы выявленной социальной закономерности, приуроченность ее к определенной территории. Между тем дальнейшие примеры и прогнозы, приводимые Марксом (Турецкая империя, внешняя торговля, навязанная Европой Японии) показывают недопустимость такого истолкования.

Глубока и интересна в плане филологическом и экономическом поправка, внесенная на основе верного учета синтаксической синонимики в то положение 3-го раздела I главы, которым Маркс предваряет анализ простой формы стоимости:

Первый вариант: «Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода — все равно, какого именно. Отношение между стоимостями двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара» (стр. 54).

Первое предложение здесь переведено очень точно, причем сложное слово «Wertverhältnis», выступающее в оригинале как подлежащее и предикатив, передано в аналогичной конструкции русского предложения определительным словосочетанием — «стоимостное отношение». Во втором предложении (в оригинале), где дается вывод, Маркс, подчиняясь требованию диалектической логики, вполне закономерно употребляет в третий раз слово «Wertverhältnis». Переводчик не учел всю весомость и значимость такого повтора и, стремясь избежать тавтологии, ввел во второе предложение — вывод вместо словосочетания «стоимостное отношение двух товаров» выражение «отношение между стоимостями двух товаров». На первый взгляд, такая замена вполне допустима. Ведь предложное сочетание существительных «отношение между стоимостями» можно расматривать как грамматический дублет приименного родительного в значении объекта: «отношение стоимостей» (сравни: «соотносить стоимости»). А синонимика родительного приименного и прилагательного — явление общеизвестное, широко используемое в стилистических целях.

Однако высказывания:

«Отношение между стоимостями двух товаров...»

и «Стоимостное отношение двух товаров»

отнюдь не равнозначны и не могут рассматриваться как два стилистических варианта.

Чтобы стало вполне зримым семантическое различие двух формулировок, достаточно переписать их — с целью аналитического сопоставления — в следующем упрощенно-редуцированном виде:

«Отношение стоимостей товаров».

«Стоимостное отношение товаров».

Теперь видно, что в первой формулировке сделан упор на **отношение стоимостей**, а во второй — **на отношение товаров**, с указанием на «качество», на устойчивый признак этого отношения («стоимостное»).

Первая формулировка приводила к сужению выска-

зывания Маркса, недоучету двойственного характера труда, заключенного в товаре, т. е. игнорированию вещной, натуральной формы товара. Ведь в такой передаче мы не находим, говоря словами самого Маркса, «...внешнюю противоположность, т. е. ...отношение товаров», в которой выражается «скрытая в товаре внутреняя противоположность потребительной стоимости и стоимости» (Соч., изд. 2, том 23, стр. 71).

Вот почему и было необходимо отвергнуть как будто вполне приемлемый синтаксический синоним и, не страшась повтора, точно передать глубокую, подлинно диалектическую формулировку оригинала:

«Стоимостное отношение двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара» (Соч., изд. 2, стр. 57).

«Das Wertverhältnis zweier Waren liefert daher den einfachsten Wertausdruck für eine Ware» (разрядка Маркса. — **В. К.**).

Отметим еще две существенных поправки, внесенных в результате выявления истинной синтаксической функции значимых слов. В примечании 5 к главе IV Маркс цитирует ранюю (1844 г.) работу Энгельса:

Первый вариант: «Капитал делится на первоначальный капитал и на прибыль, прирост капитала,.. хотя **на практике** эта прибыль тотчас же снова присоединяется к капиталу и вместе с ним пускается в обращение». (Стр. 158).

Новая редакция: «Капитал делится на... хотя **практика** тотчас же снова присоединяет эту прибыль к капиталу и вместе с ним пускает в оборот» (Гл. IV, стр. 163).

Подчеркнутые мной слова наглядно показывают тот синтаксический сдвиг, который выявил новый оттенок мысли. Если в первом варианте прибыль выступает как своего рода демиург: она присоединяется (сама?!) и пускается в обращение, то в новый редакции ей правильно указана роль объекта действия: буржуазная практика, практика чистогана — вот подлинный субъект действия, командир всех прибылей.

В другом случае субъект — объект поменялись местами вследствие того, что переводчик не смог правильно определить, к какому члену предыдущего предложения относится местоимение, заменяющее существительное (dies). В результате была нарушена каузативная

связь между двумя предложениями, и смысл высказывания искажен:

Первый вариант: «Барщина (в Дунайских княжествах. — **В. К.**) ...составляла, однако, крупную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины». (Стр. 242).

Новая редакция: «Барщина... составляла основную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот»... и т. д. (Стр. 248). В первом варианте барщина была неправильно объявлена, так сказать, абсолютным источником крепостного состояния. Но при установлении нарушенной причинной связи (нов. ред.) оказалось, что это явление не абсолютное, но ограниченное экономическими факторами: если барщина — основная дань, тогда она обычно перерастает в крепостное право.

В историческом аспекте — понимании возникновения и развития крепостного состояния в Дунайских княжествах (Румынии) — эта поправка имеет важное значение.

Укажем на два предложения, где уточнение смысла было достигнуто правильным использованием служебных слов — предлогов, одного из важнейших средств синтаксической связи.

Первый вариант: «Он дубит кожу не капиталисту».

Новая редакция: «Он дубит кожу не для капиталиста». Введением предлога устранена двусмысленность выражения «дубить кожу». В другом случае смысл предложения уточнен благодаря устранению неоправданно введенного предлога (при переводе глагола «werden» с «zu» — «становиться... чем»):

Первый вариант: «...вследствие прядения, тканья... средства производства — хлопок и веретена, пряжа и ткацкий станок — становятся элементами для (? В. К.) созидания продукта, новой потребительной стоимости» (Гл. VI, стр. 206—207).

Новая редакция: «...вследствие прядения, ткачества... средства производства — хлопок и веретена... становятся элементами созидания продукта...» (стр. 211).

Остановимся на двух показательных примерах отказа

от фразеологии или, наоборот, применения ее. В предисловии к 4-му изданию «Капитала», где Энгельс разоблачает одну гнусную попытку опорочить литературную добросовестность Маркса, фраза «Das also war des Pudels Kern» переведена известным и в русском и в немецком языках фразеологическим оборотом: «Так вот где зарыта собака!». В новой редакции эта идиома, внешне очень меткая и, главное, лаконичная, — заменена фразой: «Так вот кто в пуделе сидел!» Здесь важно не только то, что точно передается цитата из Гете, слова самого Фауста, обнаружившего, что в образе черного пуделя скрывался великий искуситель — Мефистофель. Главное в том, что новый вариант возвращает к сути вопроса, поставленного именно сейчас. Оборот — «Вот где зарыта собака!» отвечал на вопрос: «В чем дело?», между тем, как речь идет о том, «кто затеял дело». Новая попытка облыжно обвинить Маркса характеризуется тем, что был раскрыт облик прародителя этой стряпни «применительно к подлости», лицо анонима, которым оказался немецкий профессор Брентано, «этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов», по уничтожающеметкому определению Энгельса.

В другом случае, наоборот, вполне закономерно введен меткий пословично-разговорный оборот — «на нет и суда нет» (стр. 203) — вместо дословно-громоздкой и маловразумительной для русского читателя конструкции: «...где ничего нет, там и император утрачивает свое право».

Последний пример подводит нас к другой немаловажной стороне новой редакции перевода «Капитала» — дальнейшему стилистическому совершенствованию его. В самых общих чертах охарактеризуем эту работу. Ее отличает, прежде всего, стремление к наибольшей краткости, устранение всякого рода излишней описательности. Бóльшая краткость, сжатость изложения достигалась: 1) путем отыскания более экономных и выразительных, порою афористичных лексико-синтаксических вариантов; 2) путем исключения ряда произвольных вставок комментирующего порядка, допущенных в первом варианте. Как пример первого можно привести выражения: «не брезгали никакими средствами» (стр. 293) вместо: «ни одно из этих средств не было оставлено в пренебрежении»; «закон соблюден, но соблюдена ли

гуманность?» (стр. 309) вместо: «требования закона удовлетворены, но удовлетворены ли требования гуманности?»; «большинство «сверхурочников» (стр. 294) («die meisten «Überständigen») вместо: «большинство рабочих, занятых сверхурочное время»; участок «должен быть прополот» и соответственно: «должен быть очищен от сорных трав» и многие другие. Что касается произвольных вставок, то они встречаются в первом варианте преимущественно там, где Скворцову казалось, что точная передача оригинала не будет вполне доходчивой для русского читателя. О том, что ясность изложения не пострадала в новой редакции, после удаления таких вставок, видно из следующих примеров (вставки показаны в первом варианте прямыми скобками):

Оригинал:	**Первый вариант:**	**Новая редакция:**
«Es ist dies keine Methode der Bereicherung oder Bildung von Mehrwert». («K.», 1932, S. 170).	Это [очень] неподходящий метод [для тех, кто стремится] к обогащению или созиданию прибавочной стоимости» (стр. 169).	«Это отнюдь не метод обогащения или созидания прибавочной стоимости» (стр. 173).
Или: «...und da sie bei den Clanleuten auf Wiederstand stiessen, beschlossen sie diese mit offner Gewalt zu vertreiben». (S. 768).	«...и так как они [увидали, что] рядовые члены клана, — [пролития крови которых для них уже не требовалось], оказывают сопротивление [их стремлениям к обогащению], то решили согнать их с земли путем открытого насилия». (стр. 733).	«...и, натолкнувшись на сопротивление рядовых членов клана, решили согнать их с земли путем открытого насилия». (стр. 740)

Последний пример из первого варианта особенно показателен как образец излишнего «домысливания» в переводе авторского текста. И наоборот, в новой редакции мысль оригинала очень точно влита в форму, не уступающую по сжатости немецкой.

Говоря о стилистической правке перевода «Капитала», невозможно обойти вопрос о том, в какой мере задела она семантико-экспрессивные средства произведения. Стилю «Капитала» как глубоко научного, объективного произведения в высокой мере присуща «экспрессивно-нулевая окраска» (термин Элизы Ризель). Но это отнюдь не означает, что автор занимает холодно-объективистскую, бесстрастную позицию. Строго научное изложение фактов, анализ их нередко сопровождается на страницах «Капитала» острой полемикой с представителями буржуазной политэкономии, в богатом арсенале Маркса имеются самые разнообразные средства иронии и сарказма. Большой заслугой Скворцова является его пристальное внимание к эмоциональной позиции автора и в большинстве случаев правильная передача ее как грамматическими, так и в особенности лексическими, а иногда и фразеологическими средствами. Тем не менее новой редакции удалось внести свои штрихи в экспрессивно-стилевую окраску перевода, в ряде моментов лучше, правильнее выявить эмоции автора. Поправки чаще всего имеют ограничительный, а вернее — разграничительный характер, устанавливая верную границу между экспрессией и «нулевой экспрессией», границу, которую иногда переступал Скворцов, увлеченный настроенностью автора. Так, в примечании 51 к главе IV, где Маркс рассказывает о фальсификации хлеба в Лондоне, говорится, что хлеб продают «...с примесями квасцов, мыла, поташа, извести... и другими столь же приятными питательными и здоровыми ингредиентами». Позиция Маркса — ученого предельно ясна, она выражена этими ироническими эпитетами: «приятные, питательные и здоровые ингредиенты». И запечатлев очевидную обличительную установку автора, переводчик распространяет ее и на последующее нейтральное высказывание. Далее Маркс ссылается на показания правительственного комиссара, приводя их с научной добросовестностью (как важный документ) не только в переводе, но и в оригинале: «It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner».

Первый вариант: «несомненно установлено, что хлеб **сдабриваемый** такими примесями изготовляется именно для покупателей такого рода» (стр. 181, примеч. 51). И еще несколько ниже из той же цитаты: «...Ему (рабо-

чему.—**В. К.**) приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к данному лавочнику, который **высасывает из него соки».**

В обоих высказываниях подчеркнутые слова — плод увлечения переводчика авторской обличительной настроенностью. Их нет в официальном отчете правительственного чиновника, который ограничивается констатацией фактов. Социально-заостренное, обличительное выражение «высасывает из него соки» восходит к первому значению глагола «pumpen» — «качать (насосом), откачивать», между тем как в данном случае нужно было применить, в соответствии с «нулевой экспрессией» высказывания, второе значение слова «pumpen» — «занимать, одалживать, брать взаймы». Это и сделано в новой редакции: «...Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к тому лавочнику, который дает ему в долг» (стр. 186, примечание 51). В предыдущей цитате удалено как излишнее, не соответствующее духу оригинала слово «сдабриваемый».

А вот характерный пример излишней, «привнесенной» экспрессии в передаче суждений самого автора:

Первый вариант: «Можно понять глупость той экономической мудрости, которая проповедует рабочим, что они должны соразмерять свою численность с потребностями капитала в самовозрастании. Как будто механизм капиталистического производства и накопления не приводит всегда к этому процессу приспособления!» (стр. 650). Открыто разоблачительное начало высказывания («глупость экономической мудрости»), усиленное в оригинале разрядкой (курсивом), содействовало появлению экспрессии в форме реторического восклицания («как будто»...!) во втором предложении. В новой редакции правильно передан объективный, строго научный вывод Маркса, причем снята эмоциональная приподнятость первого варианта: «Сам механизм капиталистического производства и накопления постоянно сообразовывает численность рабочих с этими потребностями капитала в возрастании (стр. 659).

Более редки случаи нехватки экспрессии в переводе, причем ее недостает иногда там, где изложение (разоблачение!) ведется Марксом в остроумно-насмешливой манере, как например, в блестящем по стилю разделе

«Последний час» Сениора (глава VII), где Маркс неотразимыми доводами разит апологетов капитализма. При переводе этого раздела фраза — «Поэтому они выписали его в Манчестер» — в стилевом отношении выпала из иронического контекста. В самом деле, у Маркса идет речь о том, как фабриканты решили поучить профессора Сениора политэкономии, «вместо того чтобы поучать ей в Оксфорде». И предложение с ключевым словом «verschreiben» (прописывать лекарство) выполняет важную роль в этом ироническом повествовании. Профессору прописана поездка, чтобы он излечился от недуга неведения, познал самую основу политэкономии. Искрящаяся ирония, исчезнувшая в первом варианте, полностью восстановлена в новой редакции:

«Поэтому они прописали ему поездку в Манчестер» (стр. 235).

И в заключение еще один пример, выявляющий стремление редакции уловить тончайшие экспрессивные оттенки в высказываниях Маркса, что и определяет судьбу (отбор) того или иного слова. Конкретно: чаша весов склонилась в пользу слова «причитания» вместо «жалобы». Возникает вопрос: так ли существенна эта замена, даже вообще нужна ли она? Посмотрим. Речь идет о переводе короткой фразы: «Er foppte uns mit der ganzen Litanei» (S. 201). Смысл ее очень верно (и почти дословно!) передан в первом варианте:

«Он просто дурачил нас своими жалобами» (стр. 199).

Да, этот вариант — точно смысловая передача, но в ней не полон учет стилевой (экспрессивной) особенности оригинала и — в данном случае — психологии изображаемого персонажа. А ведь вся суть-то в том, что эта короткая фраза — последний сочный мазок к образу капиталиста, введенному Марксом с целью наиболее наглядного показа процесса образования прибавочной стоимости. Маркс с присущей ему изумительной силой иронии сделал из фабриканта-текстильщика, своеобразного гида, который то грозя, то притворно стеная и прибедняясь, то не менее ханжески заявляя о своих «трудовых» заслугах, подводит нас к порогу тайника, в котором добывается прибыль. И слово из культового обихода — «лита́ния», т. е. однотонно-тягучая молитва-прошение (ее суть в бесконечно повторяющемся рефрене: «Подай, господи!»), широко употребительное в обобщенно-пере-

носном смысле как нудная, надоедающая жалоба, очень удачно избрано Марксом для характеристики притворно-благочестивых притязаний капиталиста. Смысл экспрессии, воздействие на читателя, обусловлен, однако, не только метким выбором ключевого слова — «литáния», несущего основную ироническую нагрузку. Экспрессия усилена и лексико-синтаксическим средством — контрастным сближением различных по стилевой окраске слов: тонко-иронического «литания» (причитания), отчетливо — для немецкого читателя — связанного со своей возвышенной базой — богослужением, и сугубо разговорных, открыто разоблачительных выражений — «просто дурачил» («foppte») и «не стоит ни гроша» (дословно: «не даст и гроша»). В русском переводе почти полностью сохранена экспрессия и краткость оригинала:

«Он просто дурачил нас своими причитаниями (в первом варианте: «жалобами». — **В. К.**). Все это не стоит и гроша» (стр. 204). Правда, в переводе нельзя было сохранить слово «литания», которое не приобрело такой широкой обиходности, как в западно-европейских языках и не было бы образно-выразительным для русского читателя, но его вновь введенный эквивалент — «причитания» — гораздо более выразителен, чем обычное — «жалобы».

В новой редакции перевода удалось в ряде случаев выявить и устранить такую ненужную экспрессию, которая, вызывая побочные, не относящиеся к сути дела образы, мешала восприятию основной мысли автора. Понятно, что подобная «уводящая» экспрессия обусловлена преимущественно неправильным отбором лексики, буквализмом, дословностью, применением архаизованных выражений.

Маркс, например, употребил в необычном смысле слово «Harmoniker», т. е. композитор, как творец, создатель гармонии, иронически применив его для названия буржуазных идеологов (Кэри и К°), проповедников классовой гармонии в капиталистическом обществе. И в первом варианте перевода сделана попытка создать аналогичный иронический неологизм в следующем высказывании:

«...норма прибавочной стоимости... = 18%, — отно-

шение, низкий уровень которого растрогал бы господина Кэри и других гармонистов».

Но попытка оказалась явно неудачной: слово «гармонист» не может восприниматься как носитель понятия «проповедник гармонии», поскольку с ним ассоциируется конкретный, привычный образ человека, играющего на гармонике. И потому закономерно в новой редакции: «... отношение, низкий уровень которого растрогал бы господина Кэри и других проповедников «гармонии» (стр. 229).

В другом случае неоправданную экспрессию создавала архаизованная производная форма. Так, если глагол «расточить» изредка еще и употребляется в смысле «непроизводительно израсходовать», «растратить», то причастие «расточенный» в этом смысле не имеет хождения. Наоборот, выражение «расточенный материал» воспринимается скорее как «материал, подвергшийся обработке, расточке». И потому в новом издании очень уместно применено выражение: «неразумно израсходованные материал и средства» (стр. 207) вместо необычного и тавтологического: «расточенный материал и расточенные средства труда» (стр. 203).

Образная сила языка Маркса никогда не переходит в вычурность, излишнюю «красивость». И понятно, что такого рода погрешности, встречавшиеся иногда в первом варианте перевода, устранялись в новой редакции:

Оригинал:	Первый вариант:	Новая редакция:
«...ist die Aufhebung der Leibeigenschaft längst vollbracht und der Glanzpunkt des Mittelalters, der Bestand souveräner Städte, seit geraumer Zeit im Erbleichen».	«...уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города» (стр. 720).	«...уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города» (стр. 728).

Высокий накал мысли, свойственный афористическим выражениям Маркса, озаряет и иную, описательную форму перевода. Тем не менее, лишенные своей оригинальной сжатой формы, эти выражения несколько проигрывают в силе воздействия на русского читателя. Так было, в частности, с заключительным выводом II главы «Капитала»:

Оригинал:	Первый вариант:
«Das Rätsel des Geldfetischs ist daher nur das sichtbar gewordne, die Augen blendende Rätsel des Warenfetischs», (S. 99).	«Таким образом, загадка денежного фетиша есть загадка товарного фетиша вообще; в деньгах она лишь сильнее бросается в глаза и слепит взор» (стр. 100).

Глубокий смысл оригинала — сущность денежного фетиша — вмещен в одно лаконично-образное выражение, где средствами выразительности являются повтор, сближающий субъект и предикатив («**загадка** денежного **фетиша** есть **загадка** товарного **фетиша**), и образ («слепить взор»). Оба эти компонента были переданы в первом варианте, но, к сожалению, более пространно и раздельно, в двух предложениях.

В новой редакции самым простым приемом, нередко кажущимся тривиальным, — дословностью — этому важному суждению возвращена та афористическая четкость, которая отличает оригинал:

«Таким образом, загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша» (стр. 103).

Теперь оно стало зримо-памятным читателю, четкой цитатой прозвучит для слушателя.

Мы привели лишь часть примеров, но, думается, и они убедительно говорят о том, что и в стилистическом отношении перевод «Капитала» под редакцией Скворцова И. И. был значительно усовершенствован в новом издании. Смысловая и стилистическая правка в совокупности сделали «Капитал» в ряде мест более понятным для русского читателя, и потому следует подчеркнуть важное популяризаторское значение этой большой и сложной, порой ювелирно-тонкой работы.

II

В такой значительной по размерам и по трудностям работе неизбежны были и некоторые недочеты, на которых и следует вкратце остановиться. Преобладающая часть недочетов, неточностей в переводе относится пре-

имущественно к отделке произведения и является своего рода «старым грехом», идущим от первого варианта. Например, в одном случае возникло искажение смысла высказывания вследствие неправильной трактовки глагола «verwerten». Дело в том, что у Маркса этот глагол (в отличие от словарного значения: «использовать», «реализовать») употребляется в значении: «возрастать» (о стоимости), «увеличивать» (капитал). И в переводе это значение очень часто применяется. Однако переводчики сочли невозможным употребить это значение при переводе следующей фразы:

«Diese Form verschwindet in England rasch um der des eigentlichen Pächters Platz zu machen, welcher sein eignes Kapital durch Anwendung von Lohnarbeitern verwertet und einen Teil des Mehrprodukts in Geld, oder in natura, dem Landlord als Grundrente zahlt». (S. 782).

Перевод (в обеих редакциях): «В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который вкладывает в дело собственный капитал, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и отдает лендлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты» (стр. 753 в нов. ред.). Таким образом, в переводе единое сказуемое «verwerten» выражено совокупностью слов: «вкладывает... ведет хозяйство», но эта описательность лишь затемнила кристальную ясность высказывания. Оказалась запрятанной в подтекст, предоставлена логической догадке, причинная связь между первой и второй частью предложения:

1) наемные рабочие увеличивают капитал, т. е. создают прибавочный продукт и 2) фермер отдает часть прибавочного продукта лендлорду.

Между тем все встанет на место, и причинная связь окажется очевидной, выявляя основу генезиса прибавочного продукта, если лексическим эквивалентом глагола «verwerten» взять выражение «увеличивать (капитал, стоимость) путем использования»:

«фермер увеличивает свой капитал благодаря использованию наемной силы» и т. д.

Это и будет соответствовать постоянному значению слова «verwerten» в «Капитале», когда речь идет об увеличении стоимости.

Неточность аналогичного порядка, т. е. также вызванная нарушением явной причинной связи и перемещением ее в подтекст, налицо и в следующей важной диалектической формулировке: «Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса» (стр. 124 нов. ред.). Союз тождества, синонимии «то есть» несомненно выражает причинную взаимосвязь явлений, но неизмеримо слабее, чем специализированные союзы — «ибо», «так как» и другие. Поскольку в оригинале употреблен подчинительный причинный союз «weil» («weil einander ergänzenden»), его и следует сохранить в переводе, примерно так:

«Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных — ибо они дополняют друг друга — процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса».

Фразеологическое единство — «leicht von der Hand gehen» — «спориться, удаваться» не нашло адекватного отражения во фразе (цитате из Годскина): «Легкий труд... есть унаследованное искусство» (стр. 351, примеч. 28). Ясность смысла в данном случае заслоняет привычно-бытовое противопоставление двух понятий: легкий труд — тяжелый труд. И потому лучше было бы перевести эту фразу так:

«Легко выполняемый труд — это унаследованное мастерство».

В отдельных случаях вполне правильная передача смысла могла бы быть достигнута и более точным соблюдением грамматических форм отдельных членов предложения, в первую очередь — предиката. Так, едва ли было целесообразно заменять форму будущего времени (в оригинале) формой настоящего времени в следующем предложении, где Маркс, отметив выше особенность ремесла в США, делает вывод: «И как раз по этой причине концентрация, сопряженная с неизбежным переходом к фабричному производству, совершается там семимильными шагами по сравнению с Европой и даже Англией» (стр. 470, примеч. 247). Словосочетание «Концентрация... совершается» выражает данное, наличный факт, между тем как у Маркса дается социально-экономический прог-

ноз, и этот оттенок мысли нужно сохранить в переводе: «...концентрация... пойдет там семимильными шагами».

Недоучет формы сказуемого существенно повлиял на интерпретацию следующего высказывания Маркса, в котором очень ясно выражена роль разделения труда в формировании новых потребностей человека. Маркс говорит о владельце товара:

«Die gesellschaftliche Teilung der Arbeit macht seine Arbeit ebenso einseitig als seine Bedürfnisse vielseitig». (S. 111).

Семантико-грамматические связи (предикат — именное сказуемое, состоящее из полузнаменательной связки «machen» — «делать» и однородных предикативных членов — «einseitig» и «vielseitig» — «односторонний» и «многосторонний») выявляют двойную причинную связь между подлежащим и сказуемым:

1) Разделение труда делает односторонним труд владельца товара;

2) разделение труда делает многосторонними его потребности. Или: односторонность труда и многосторонность потребностей обусловлены в равной мере (синтаксически, это подчеркнуто сопоставительным союзом — «ebenso... als» — «столь же... сколь») разделением труда, оно — причина и того и другого. В сжатой тезисной форме здесь сформулировано то историко-материалистическое положение, что разделение труда, как значительный шаг в развитии производства, обеспечивший лучшее удовлетворение потребностей людей, в широкой мере способствовало и возникновению ряда новых, ранее неизвестных потребностей. Однако эта причинная связь не выявлена в переводе:

«Общественное разделение труда делает труд последнего т. е. владельца товара столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности». (стр. 116).

Простое предложение оригинала в переводе развернуто в сложно-подчиненное сопоставительное, со сказуемыми:

а) в главном — «делает односторонним» (труд);

б) в придаточном — «суть (опущено) многосторонни» (потребности). Ясно, что в такой формулировке не выявляется зависимость потребностей людей от разделения труда. И наоборот: простое возвращение к синтаксиче-

ской форме оригинала, согласование однородных предикативных членов, восстанавливает утраченную причинную связь: «Общественное разделение труда делает труд последнего столь же односторонним, сколь многосторонними его потребности».

Что касается некоторых немногочисленных случаев ухудшения передачи смысла в новой редакции, то они относятся преимущественно к отдельным понятиям, словосочетаниям, следовательно, затрудняют восприятие лишь нюансов мысли автора. Так, не следовало бы называть аварийно-обветшавшие дома «общественно опасными» (стр. 675), заменять теологическое, но общеизвестное выражение — «божественное откровение» — «эманацией бога» (стр. 91, примеч. 33), переименовывать «безработных» в «незанятых людей» (в цитате примеч. 196 на стр. 440).

Неудачно введено слово «ревнители» вместо «разносчики», поскольку оно плохо сочетается с выражением «сбыть товар» (стр. 70, 71), лучше было бы, как в первом варианте: «разносчики идей свободной торговли».

В одном месте (примечание 152 к главе «Рабочий день») в новой редакции перевода имеется ошибка, которой нет в прежнем издании.

Первый вариант: «В своде законов, продиктованном... господством рабовладельцев на территории Новой Мексики, говорится»... (стр. 293).

Новая редакция: «В своде законов, который (?) навязал господство рабовладельцев на территории Нью-Мексико, говорится» (стр. 297). Из-за неправильного выбора залоговой формы глагола возникло превратное истолкование исторического факта: следствие стало причиной. Можно было бы перевести так: «В своде законов, который был навязан территории Нью-Мексико благодаря засилью рабовладельцев»...

Вкратце о некоторых неизжитых погрешностях стилистического порядка. Не приводя примеров, укажем, что изредка еще встречаются излишние комментирующие вставки, а также нарушения обычных (привычных) норм словосочетания. Ряд недочетов приходится на семантико-экспрессивные средства, на все то, что, по выражению Элизы Ризель, «делает сказанное наглядным, живым и эмоциональным, придает ему силу и убедитель-

ность», а также то, что выявляет отношение автора к предмету речи, «показывает его оценку рассматриваемых событий» (Stilistik, S. 201).

Потеря образности иногда вызывается стремлением к максимальной сжатости. В главе «Рабочий день», Маркс излагает газетное сообщение о смерти 20-летней модистки Мэри. Факт — ярко изобличительный, и Маркс рядом тонких штрихов подчеркивает пропасть между «респектабельными» хозяевами и придворными леди, с одной стороны, и измученными непомерным трудом швеями (модистками), с другой. Фраза: «Предстояло изготовить благородным леди роскошные наряды для бала в честь только что импортированной принцессы Уэльской» (стр. 265) — в полном соответствии с оригиналом выявляет отношение автора к «респектабельным верхам». Было бы еще сильнее, но, к сожалению, недопустимо дословно: «свеже импортированной принцессы («frisch importierten Prinzessin»). Тем не менее в этой выразительной фразе ущемлена образность: в переводе исчезло представление об атмосфере лихорадочной спешки, в которой работали несчастные модистки. Очень краткое, деловито-констатирующее словосочетание — «предстояло изготовить» — отнюдь не равноценно более развитому и образному: «Es galt... im Umsehn fertig zu zaubern». Следовало бы примерно так: «Предстояло буквально в мгновение ока- — как по волшебству — изготовить благородным леди»... и т. д.

Неточный лексический отбор порою также приводит к потускнению образа как, например, в следующем высказывании: «Переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег есть, как я это назвал в другом месте, «salto mortale товара» (стр. 116). В такой редакции только выражение «salto mortale» передает образ акробатического прыжка. Наоборот, спокойное «переселение» и последующее печально-резонирующее — «обманутый в своих надеждах» (стр. 116) скорее уводят от образа рискованно-смелого прыжка и его возможных печальных последствий, развитого у Маркса словами-понятиями: «Das Überspringen» («перепрыгивание») и «prellen» («ушибить», также: «обмануть», «надуть»). Можно было бы предложить такой вариант: «Прыжок товарной стоимости из тела товара в тело денег есть, как я это назвал в другом месте, salto mortale товара.

Если не удастся это сальто, то ушибется, правда не сам товар, а его владелец».

То целесообразное обновление производственной терминологии, о чем говорилось выше, едва ли оправдано в следующем случае. В главе V Маркс, рассматривая труд как источник стоимости и сопоставляя прядение с производством пушек, употребляет характерный для его эпохи термин «Kanonenbohrer», переданный в первом варианте точным лексическим эквивалентом — «сверлильщик пушек». В новой редакции это сложное понятие заменено простым, но более емким и общим — «оружейник». Это слово, несомненно, ближе и понятнее современному читателю, но оно не доносит в образе характерной производственной черты эпохи, когда творил Маркс. Редакторы несомненно опасались, что необычный и потому запоминающийся образ «сверлильщик пушек» будет несколько уводить от сути очень важного сопоставления Марксом различных видов труда, тождественных по своей функции образования стоимости, и потому предпочли более нейтральную и, — я бы сказал, «равнообразную» пару: «прядильщик» — «оружейник». Однако основная мысль Маркса хорошо подтверждается и другими примерами (труд хлопковода и производителя веретен) и потому можно было бы сохранить и основной образ (сверлильщик пушек) как яркую производственно-историческую характеристику.

Что касается авторской оценки рассматриваемых событий и фактов, то, насколько удалось подметить, неточности в переводе встречаются преимущественно там, где нужно было передать иронию Маркса, чрезвычайно богатую оттенками, от едва заметной усмешки до открытого бичующего сарказма. Так, в примечании 21 к главе VI мы находим и прямой полемический выпад («автор, необыкновенно самодовольный «wiseacre [«умник»] в своей путанице»...) и шутливо-образное сопоставление («износ, который не может излечить никакой доктор») и как бы вскользь брошенное бытовое словцо, светящееся юмором («латать... машину»). Но авторская установка здесь оказалась кое в чем ослабленной. Крепче прозвучал бы, например, полемический выпад Маркса, если бы эквивалентом англицизму «wiseacre» избрать основное словарное значение «претенциозный дурак» вместо «умник», восходящему к позднейшему

немецкому — «Klugtuer». Напрасно введено типично производственное выражение — «устранить дефекты» в следующей фразе: «Не ею (машиной — **В. К.**) работают, а ее обрабатывают, чтобы устранить дефекты в ее потребительной стоимости» (стр. 216, примеч. 21). Характер описываемого действия — ремонт машины — побудил переводчиков избрать ходовое техническое выражение для передачи слова — «flicken» (латать, чинить), а за ним исчезла шутка Маркса, шутка, которая нередко освещает самое серьезное научное повествование. В данном случае следовало бы: «...ее обрабатывают, чтобы подлатать ее потребительскую стоимость».

В главе VII раздел «Последний час» Сениора» является одним из наиболее ярких образцов неотразимой марксовой полемики. Применяя все средства иронии, Маркс остроумно и аналитически точно разит те головы, которые, говоря его словами, «практически заинтересованы как в увеличении стоимости, так и в том, чтобы дать превратное теоретическое представление об этом процессе» (Соч., т. 23, стр. 235). И, как это нередко бывает у Маркса, полемический бой развертывается не только на основном поле (в тексте), но и на смежном — в примечаниях, — где противнику зачастую наносятся наиболее увесистые удары.

Так, в примечании 32 Маркс отмечает как курьез утверждение, «будто фабриканты причисляют к прибыли, брутто или нетто, валовой или чистой, возмещение стоимости изношенных машин» (стр. 236). То, что предстало в переводе тавтологической парой: брутто, или валовая прибыль, нетто, или чистая прибыль, — у Маркса имеет иной качественный, можно сказать, этический оттенок; он говорит о прибыли «брутто или нетто, грязной или чистой» («schmutzig oder rein»). И понятно, что эпитет «грязная», выявляющий авторскую позицию, нельзя устранять, превращая его в повтор, лишенный эмоции.

В следующем 32а примечании Маркс иронически пересказывает суждения буржуазного экономиста Юра, который противопоставляет «теплую и чистую нравственную атмосферу фабричного помещения» и «неуютный и распущенный внешний мир» (Соч., т. 23, стр. 239). Думается, что слово «неуютный» введено здесь неудачно и несколько сглаживает противопоставление: нравственно чистый — безнравственный. В оригинале употреблено

слово «gemütskalt», яркий синоним к слову «gemütlos» — «бездушный, бессердечный», и именно этот эпитет и следовало сохранить: «бездушный и распущенный внешний мир».

Конец этого предложения — «...von Müssiggang und Laster um ihr Seelenheil geprellt werden» передается:

В первом варианте: «То праздность и порок отнимут все их душевное здравие» (стр. 233).

В новой редакции: «То праздность и порок лишат их душевной чистоты» (стр. 239).

В обоих вариантах для сказуемого, выраженного глаголом prellen (um) — «надувать, обманывать, обсчитывать» выбраны менее просторечные (чем в оригинале) значения: «отнимать» и «лишать». При этом нам представляется, что глагол «лишать» с его юридической корректностью уводит нас дальше от той иронии Маркса, с какой он пересказывает елейно-ханжеские соболезнования экономиста-буржуа.

В заключение приведем два примера из основного текста. По фразе: «Но вдруг дела пошли хорошо, о чем недавно так мило поведал сладко-либеральный г-н Фостер, друг негров» (стр. 676) — мы совершенно отчетливо воспринимаем позицию автора по отношению к либералам. Но подлинную силу оценки Марксом либерального пустозвонства мы почувствуем лишь тогда, когда в только что цитированном предложении на место нейтрального — «поведал» встанет, в соответствии с подлинником, выразительное слово — «кукарекал» («...so artig gekräht hat»). Выражение «кутилы-дворянчики» (стр. 734) далеко не соответствует той презрительной характеристике, которая вложена Марксом в словосочетание — «die versoffenen Mistjunker», Ибо: «кутила» (синоним: «гуляка») — это совсем не то, что «спившийся», «пропившийся» (versoffen), а уменьшительное — «дворянчик» не равносильно — образно-презрительному — «Mistjunker». Может быть, было бы ближе: «захудалый пропойца — барин» или «спившийся мелкий помещик».

С редакцией перевода «Капитала» неразрывно связана и разработка очень содержательного справочного аппарата, какого не было в прежних изданиях. Этот справочный материал, объемом в 115 стр., потребовавший много кропотливых изысканий, окажет боль-

щую услугу всем, кто серьезно изучает «Капитал». Очень ценны, например, редакционные примечания, без которых ряд выражений был бы недостаточно понят и уяснен широким читателем. В них уместна вводная справка, освещающая историю создания и издания «Капитала». С большим интересом читаются те исторические справки, которые выявляют силу иронии и полемических ударов Маркса (литературный подлог «крошки Ласкера», ссылка на «остроумного Лихновского», характеристика святоши графа Шефтсбери). Во многих случаях раскрыты источники цитат и перефразировок, которые Маркс зачастую приводил, считая их общеизвестными, без ссылки на автора или произведение (античные классики, Шекспир, Гете, Гейне и другие).

Радикально переработан и дополнен указатель имен. В нужном случае в нем содержится и оценка трудов того или иного лица и его социальная характеристика. Среди дополнений есть столь значительные имена как Вергилий, Вольтер, Гораций, Диккенс. Появились и такие имена, которые, хотя и не названы в «Капитале», но представляют интерес, поскольку Маркс ссылается на их утверждения или полемизирует с ними (русский философ-позитивист Де-Роберти, английский экономист Филип Кантильон и др.). Потребовала, очевидно, немало розысков и была подтверждена меткая догадка Маркса о наличии двух разных авторов, именующихся Кантильоном.

Пополнен и список литературных и мифологических персонажей, но, думается, из него не следовало бы исключать имен Дедала, Антея, Гериона, Купидона Молоха, хотя они почти все упоминаются только в примечаниях.

Немаловажным формальным моментом является унификация транскрипции имен, особенно английских. Так, английское начальное «W» передано преимущественно через русское «У», «Н» через «Х», однако в соответствии с давней исторической традицией сохранено: «Веллингтон», «Гоббс», «Годскин», «Гонкинс».

Для научных исследований окажет хорошую услугу подробный указатель цитируемой Марксом литературы, причем в ряде случаев установлены авторы анонимно вышедших сочинений.

Отличительной чертой весьма сжатого предметного

указателя — всего 17 страничек — является то, что он очень точно нацелен на основное содержание книги: в него вошли все основные понятия из области политэкономии, а это обстоятельство имеет особо важное значение для учебной работы.

Произведенный разбор работы по редакции перевода «Капитала» (том 1) не претендует на исчерпывающую полноту. Следует еще раз подчеркнуть, что достоинства тщательной и зоркой редактуры значительны, а недочеты как смысловые, так и стилистические, немногочисленны. Однако наличие последних позволяет сделать вывод, что работу над редакцией перевода «Капитала» не следует считать завершенной. Гениальное произведение Маркса будет, несомненно, выходить и отдельными изданиями, и в эти издания необходимо внести в перевод дальнейшие поправки и уточнения. «Капитал» становится настольной книгой каждого образованного человека в нашей стране, и его глубокая научно-революционная мысль должна дойти до советского читателя с точностью и образностью, максимально близкой к оригиналу.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Табарданов. К вопросу о действии основного экономического закона социализма 3

Л. Н. Казанцева. Закупочные цены и стимулирование колхозного производства 18

Э. М. Серлин. К вопросу о сущности экономического союза между городом и деревней 57

В. П. Касаткин. Перевод «Капитала» Маркса (т. I) в новой редакции 65

ЗМ00088. Заказ 4339. Тираж 500 экз.
Формат бумаги 60×92 1/16.
Объем 6 3/4 п. л.
Подписано к печати 18/VII 1963 г.
Цена 40 коп.

г. Ульяновск, тип. облуправления культуры.

40 коп.